

ДУХОВНОСТЬ, ПРОГРЕСС, РЕАЛИЗМ, АУТИЗМ И ЧЕЛОВЕК РЫНОЧНОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются условия появления в XX в. так называемого «кибернетического человека» (по Э. Фромму). Выявлены черты аутизма в психологии человека рыночного общества. Констатируется недооценка традиционного уклада жизни при поисках выхода из кризиса «общества потребления».

Ключевые слова: аутизм, деструктивность, индустриальное общество, общество потребления, рыночное общество, прогресс, совесть, самопознание.

Conditions of appearance of the so-called “cybernetic man” (E. Fromm) in the XX century are considered. Traits of autism in psychology of man of the market society are revealed. Underestimation of traditional way of life in the searching of way out crisis of “consumer society” is stated.

Key words: autism, destructiveness, industrial society, consumer society, market society, progress, conscience, self-knowledge.

Природа крепко держится своих законов
и повсюду одинакова.

М. Ломоносов

Если рассмотреть проблему достаточно
внимательно, то вы увидите себя
частью этой проблемы.

Аксиома Дучарма

1. Каждый, кто призван Наукой к исследованию Природы, должен дать себе отчет в цели этого призвания. Диктуются ли его занятия соображениями утилитарности, необходимостью общественной или собственной жизнедеятельности (тут нет особой разницы), или он поглощен удовлетворением личного любопытства за чужой счет (как ерничал один знаменитый ученый)? Или же его подвигли к поискам истины более высокие цели?

Цепь логических умозаключений в размышлениях подобного рода неизбежно приводит к мысли, что Человек со своими возможностями познания, изучая Природу, ищет в ней свое место. Он должен понять задачу, заданную ему родительницей-Природой, задачу, подобную многим другим,

поставленным ею перед каждым своим творением. Не осознав заложенной Мирозданием сути своего *взаимодействия* с Природой, а не только богатого или пагубного *воздействия* на нее, Человек не обретет полноценности своего пребывания во Вселенной. Природа отнюдь не только вместилище телесного прозябания человечества. Постоянно слышимые увещания, что мы, дескать, должны оберегать Природу – свой дом, дабы сохранить для потомков этот дом для проживания хоть с какой-то долей комфорта, принадлежат врачевателям нашей нравственности, не давшим себе труда обучиться осмысливанию произносимого. Именно от них-то и следует потребовать: – Врачу, исцелился сам!.. Дом – это то, что и пчела, и муравей, и человек сознательно или инстинктивно отстраивают сами для себя. Что же до Природы, то именно она-то *для себя* и сотворила Человека. А дом, позволю себе заметить, ничего создать не в состоянии.

Между тем человечество, по крайней мере, та его часть, что выпестована так называемой западной цивилизацией, претендующей на доминирование в современном мире, относится к Природе в лучшем случае, если

не как к дому, то как кочевник к пастбищу. Вместе с тем видимые успехи в попытках познания Природы (а еще более – в развитии техники) приводят нас к неоправданно завышенной самооценке. А ведь Природа не устает указывать Человеку на его несовершенство. Примеров тому множество. Один из них предъявлен во вполне доступной форме Морисом Метерлинком в его «Жизни пчел». Он вполне тактично (иначе выдающийся бельгиец не стал бы нобелевским лауреатом), но достаточно прозрачно указал своим высокообразованным читателям, что они напрасно гордятся созданными ими социальными системами. До пчелиного улья им весьма и весьма далеко... Прошу понять правильно, тут нет попользования справиться с проблемой биологическими методами в духе вульгарного фашизма. Речь лишь о том, что Природа для большинства своих социальных систем решила пригодными для них методами и в присущих им формах те задачи, которые человечеству еще предстоит одолеть в неопределенном будущем. Не преждевременно ли Человек возгордился? И сможет ли, да и захочет ли он назвать себя высшим созданием Природы, когда во всей полноте ощутит себя в единстве с нею, осознает свое предназначение как ее часть, самостоятельная до известной степени, но зависящая от Природы ее часть, ее творение?

2. И что такое вообще – «высшее творение»? Правомерно ли это (или подобное ему) качественное определение объекта не только в отрыве от поставленных перед ним задач, но и без их определения? Природа создала акулу – великого чистильщика океанских вод, и это ее творение практически идеально: совершенное по простоте, красоте и эффективности животное, предельно активное, неправдоподобно живучее, находящееся в непрерывном движении от рождения до смерти. Обладая разумом в человеческом понимании, оно имело бы право гордиться собой. Но разумом обладает, как принято считать, лишь Человек. И он всегда гордился им (во всяком случае, так было издавна и до недавних пор), но на каком основании? Ведь, выражаясь языком техническим, Человек весьма неэффективно использует мощности своих мыслительных способностей, как бы оставляя в небрежении возможности, заложенные в него Природой. КПД их использования составляет немногие единицы

процентов. В результате осознания этого и после апокалиптических катаклизмов ушедшего столетия Человек, похоже, поколебался в своей гордыне, и XX век заставил если не прозреть думающую часть человечества, то хотя бы привести ее в недоумение и растерянность по поводу своего будущего и истинного предназначения. Социальное существо, Человек, в соответствии с уровнем понимания своих задач создавал собственный мир и к середине века ухитрился выстроить пародию на Вавилонскую башню с ее не понимающими друг друга строителями – пирамиду-монстр с одним основанием и двумя вершинами: двухполюсную мировую систему... И потянулись люди каждый к одному из полюсов, к избранным ими вершинам... Одна часть строения, опиравшаяся на светлые Евангельские идеи любви к ближнему, но тем не менее проникнутая атеизмом, рухнула под грузом собственных противоречий. Несовместимое отторгло друг друга, что изначально таило угрозу для себя же. Преодолев саморазрушительные тенденции, эта часть строения, сохранив идею всечеловечности, возможно, получит еще шанс возродиться. Другая вершина пока держится, но исторически, будучи враждебной ко всему и вся, она вполне очевидно бесперспективна: обитатели этой вершины пирамиды окормляются квази-протестантской нравственностью, в лоне которой идея материального накопления сочетается с тщетой возвышения духовного. Этот жуткий – и вовсе не диалектический! – альянс низкого и высокого коренится в евангелизме, разбавленном ортодоксальной ветхозаветностью. Здесь нет, казалось бы, решительного противоречия, все тут вышло хоть из различных книг, но из-под общего переплета, и строение могло бы устоять... Однако равновесие уже нарушено, и мир долго этого не потерпит: если среди народов Земли объявились 5 % «избранных», производящих 5 % мирового продукта (что вполне пристойно), но при этом тратят аж треть мировых ресурсов, а выбрасывают половину всей грязи на Земле, то Природе и Человеку, пока живы, стоит задуматься о наведении порядка. А тут-то и вспомнится, что жители уже рухнувшей твердыни давали до самого последнего своего дня с далеко не лучших земель каждую третью тонну зерновых в мире... И придет время задуматься, чьи же обломки станут ис-

пользовать «высшие творения» и «цари природы» для построения будущего Храма... Но то дело будущего. Мы же заняты вопросом своевременным и в грядущем, и ныне.

3. Рассматривая создания Природы, можно заметить, что все они таят в себе явную или скрытую симметрию. И при этом нигде, исключая, может быть, ряд кристаллических структур, она не изваяла ничего абсолютно симметричного. А в ботанике это проявляется особенно ярко: при явной симметричности, заложенной в суть структуры растений, они настолько свободны в своих формах, что о какой-либо регулярности в их натуральном облике и говорить не приходится. Видовое же, родовое, «семейное» сходство их меж собою несомненно. Этим замечательно пользуются декораторы: культивируя свободные формы растений, они создают «английские» парки, имитирующие натуру; подчеркивая же симметричную основу тех же растений, они выстраивают парки регулярные, «французские» с их неживой, «архитектурной» прелестью. Именно несходство, разнообразие, богатство форм растений заставляет нас любоваться ими, чувствовать их красоту. Но, не содержась в их сути идеи симметрии, они были бы отвратительны, и будили бы эмоции, подобные тем, что вызваны кошмаром уродства или бесформенностью разложения.

Познанию Природы постоянно сопутствует тяга Человека к прекрасному, почти все он оценивает, используя свое понимание красоты. Но существует ли в таком случае идеальная красота? Какова ее связь с идеальной формой, с симметрией?

Общеизвестно, что и самое прекрасное человеческое лицо хоть чуть-чуть, но асимметрично. Изобразив лицо с абсолютной, зеркальной симметрией, мы убедились бы и в его абсолютной безжизненности. Так не таится ли где-то тут секрет красоты? Чем ближе черты лица к идеалу, тем прекраснее его форма, сам же идеал недостижим и безжизнен. Он не может быть красивым по-человечески, он – мертв. У него нет более возможности совершенствования, развития, он недвижим, любое движение исказит его идеальную форму. Потому-то всегда прекрасно лицо одухотворенное, ибо мысль – движение, существование. Потому же и самый прекрасный кристалл не вызовет ощущения жизни, им невозможно даже украсить что-

либо, не создав в дополнение к идеальной форме рукотворную оправу, чаще всего – с растительным орнаментом. И по той же причине невыразимо прекрасно лицо Люцифера: вспомните лик Зла в «Битве архангела Михаила с Сатаной» Тинторетто, венецианца, едва ли не превзошедшего своего учителя Тициана... Обездвиженность, холод, глыба льда – вот сердцевина, центр симметрии Дантова «Ада», где, по свидетельству автора «Божественной Комедии», обрамленный кругом предателей – последним кругом преисподней – в центре симметрии пребывает Сатана. И как далеки от абсолютного зла такие живые персонажи, как «Демон» Лермонтова (а вслед за ним и Врубеля), симпатичная нечисть бессмертного Николая Гоголя и загадочного Михаила Булгакова!..

4. Подобно бесконечному стремлению художника сократить дистанцию до недостижимого идеала и устранить очередную степень несовершенства, поднявшись тем самым на следующую ступень посвящения, так и исследователь Природы подвигнут в своем творчестве страстью познания неизведанного, устранению несовершенства созданной им картины мира, повторяющей в меру его понимания облик Храма, воздвигнутого величайшим Архитектором – Природой. И здесь Человек, сам создание Природы, познавая ее законы, проявляется как орган познания Природой самой себя. Ведь законы Природы совершенны, они устремлены к формированию всех ее элементов в абсолютный порядок, но, побуждая элементы к действию, к свершению и завершению, они – собственно законы – не могут быть аппаратом познания: они идеальны, значит, не способны к познанию – развитию, совершенствованию. И поскольку в Природе абсолютно совершенны лишь ее законы, то они являются мерой ее развития и совершенствования, а, развиваясь, Природа обязана обладать Благодатью познания самой себя, положившись в своем развитии на надежность и незыблемость Закона.

Так не Человек ли, при всем его, казалось бы, несовершенстве есть прибор исследователя – Природы? Похоже, что упомянутый ранее ничтожный КПД использования своего мыслительного потенциала, почти беспомощность (по сравнению с другими природными коллективами) в устройстве собственной жизни в гармонии с самим со-

бой и с Природой, да и прочие его настроения, ждущие обустройства, все это – великий запас будущих возможностей Человека в совершенствовании и познании Природы, а значит, и в их – Человека и Природы – самопознании. Много дано человеку для этого, и в первую очередь – его мозг, с каждой зоной которого прямо или косвенно связаны нейроны коры, образуя множество симметричных двухполосных цепочек. Это физиологическая основа для всех ассоциативных процессов в нашем мозгу. Ассоциативные связи образуют анатомический механизм, который в момент отдельной мыслительной цепочки включает параллельно огромное число комбинаций, а они, подключая дополнительные нейронные связи, делают ассоциативный ряд практически безграничным. Если миллион нервных клеток группами по 2 нейрона (элементарная симметрия!) включить во все возможные комбинации друг с другом, то число сочетаний составит ни много, ни мало $1 \text{ с } 2\,783\,000$ нулями. Из того, что нам известно о коре больших полушарий, следует, что именно это число связей готово «работать» одновременно. Сравните это число с оценкой количества атомов в Универсуме: $1 \text{ с } \langle \text{всего} \rangle 66$ нулями... Не правда ли, слова о богоподобии Человека не кажутся преувеличением, и по природе своей он готов ко многому?.. Человеку предстоит бесконечно идти к постижению Закона, от которого он так далек, его нынешнее несовершенство – есть дар Природы, своего рода «фора» в гонке за Истиной. Совершенствуясь и постигая, Человеку предстоит одолеваять все большие трудности, ибо нет более коварного испытания для человеческого духа, чем собственное приближение к идеалу.

5. Несовершенство, присущее Человеку, клубок испытаний, искушений и заблуждений спасительно уравновешиваются очищающим даром *Совести*, не дающей заблудиться в поисках мудрости, истины и Закона, преодолеть роковые опасности, связанные с тайной беззакония. Лишь приняв на себя бремя *Совести*, Человек получает несомненное право на поиски истины, заключенные в Божественном порядке Законов Природы. При этом, не становясь сам вольной или невольной опасностью, он может бесконечно расширять границы познания и область непознанного – в этом глубокая, но прозрачная диалектика научного творчества: каждый

верный ответ порождает множество новых вопросов. Итак, Человек есть одно из творений Мироздания, во многом *более сложное, но не более совершенное*, чем множество других, главное отличие которого состоит в возможности для него в большей степени, нежели для прочих, *сознательно* уклоняться от Мирового порядка. Следовательно, он менее совершенен как явление Природы, являясь своего рода отклонением от великого безусловного порядка Природы, обязательного для не рассуждающих ее творений. Поэтому Человек обязан быть *сознательно ответственным* перед Миром. В этом его подвиг, ибо другие порождения Природы *ответственны бессознательно* (как ни парадоксально звучит эта формулировка!), а потому безусловно гармонично достигли своего уровня совершенства. И мы с необходимостью приходим к выводу, что лишь благодаря своему уровню сложности и мере несовершенства Человек способен к творчеству – процессу самопознания Природы. Стоят ли перед Человеком другие задачи? Этот вопрос следует в данной работе оставить открытым. С точки зрения исследователя, задача самопознания Природы есть главная для ее творения (и ее неотъемлемой части) – Человека. Решается эта задача в форме всеобъемлющего взаимодействия Человека с Природой, самопознания и познания им ее законов. В ходе бесконечных поисков истины необходимо выявить в рамках точных наук *физическую суть всеединства всего сущего*. В рамках наук гуманитарных – разгадать *тайну человеческого Я и его неразрывных связей с Природой* в целом и с ее элементами, в число которых входит и сам человек. Богословские науки решают эти вопросы по-своему, исходя из принципа: Бог – везде и во всем, человек – образ и подобие Божие, а жизнь дана ему для познания мира видимого и сверхчувственного и познания самого Творца и Промыслителя мира и человеков.

6. Размышляя о природе и предназначении человека, занимаясь более полутора десятков лет с детьми с ограниченными возможностями – от так называемых «необучаемых и не развиваемых» до социально «робких» или «неуравновешенных», – мне неоднократно приходилось возвращаться к вопросу: в чем причина возникновения в новейшие времена такого явления, как аутизм? Не приходится сомневаться, что это –

новость для человечества. Работы, содержащие описание аутизма, появились лишь в первой половине XX века. Чем навлекло на себя человечество такую напасть за последние 100–120 лет? Или корень зла где-то в более далеком прошлом? Невольно вспоминались такие события, как повсеместное появление юродивых, прорицателей, бесноватых в периоды вспышек религиозных страстей и государственных неурядиц или резкое повышение рождаемости мальчиков перед кровопролитными войнами... Каков механизм такого вмешательства Матери-Природы в наше бытие? А вот ответы на вмешательство человека в «замыслы» Природы часто кажутся очевидными. Широкое применение прерывания беременности при выявлении риска рождения ребенка с «синдромом Дауна» привело в свое время в США к повышению уровня проявлений жестокости. Обнаружив это, пришлось отказаться от «массовости» этой насильственной меры над естественным ходом вещей. В Европе, в странах с более традиционной культурой, подобного не произошло, здесь лучше помнят историю. Известно, что в России, например, издревле крестьяне всем миром опекали своих «деревенских дурачков», которые становились полюсами добра, милосердия в общине. Замечено, что порой эти чистосердечные, абсолютно беззлобные существа лучше других понимали животных, и зачастую они становились пастухами, которых по очереди кормили в каждом доме. (Отражение таких отношений можно усмотреть в сказке Островского «Снегурочка». Синеглазый бесхитростный пастушок Лель, конечно же, не дурачок, но, без сомнения, человек весьма необычный, и на его «неустойчивые» отношения с девушками сердиться или обижаться невозможно, настолько он открыт и чистосердечен). Столь же ясно просматриваются и причинно-следственные цепочки взаимодействия жизни Природы и человеческой (а точнее – общественной) деятельности в случае, например, роста популяции энцефалитных клещей из-за засорения леса людьми. Опасаясь получить в ответ то, что заслужил, Человек уже не стремится посещать «ручейки и пригорки», лес оживает, и лужайки начинают покрываться цветами, давно занесенными в «Красную книгу», как это случилось еще лет 25–30 назад вокруг новосибирского Академгородка. Природа активно защища-

ется от агрессии с помощью вполне очевидных и объяснимых «симметричных» ответов. Попытка разобраться, хотя бы в малой степени, во взаимосвязи некоторых явлений стала причиной появления этой статьи, которой можно было бы дать еще один подзаголовок: «размышление-реферат по прочтении Э. Фромма».

7. Взаимосвязи и противостояния, подобные упомянутому выше, происходят и в общественной жизни, в социальных, в политических, в научных течениях. Например, в психологии, несмотря на ряд общих моментов в оценке человека и общую философскую ориентацию, фанатично сражаются друг с другом инстинктивизм и бихевиоризм, отстаивая свои позиции. Обе стороны собирают сторонников под свои знамена, выдвигая лозунги-альтернативы вроде: «инстинкт ИЛИ среда», «природа ИЛИ воспитание». Вспышки страстей и временные победы то одних, то других, казалось бы, не поддаются объяснению, как и тенденция преодоления острого конфликта между этими течениями, появившаяся в 50-е гг. XX века, когда кому-то пришла в голову мысль закрепить слово «инстинкт» за животным миром, а при характеристике человеческих мотиваций говорить о «естественных влечениях». И возникли такие декларации: «Поведение человека *большой частью* определяется обучением, тогда как поведение птицы *большой частью* ему не подлежит». Вместо метафизического «или – или» осторожное «более или менее». А ведь «траектория» побед то одних, то других на первый взгляд неопределенная, имеет свои социальные и политические предпосылки. Рассмотрим исторический театр психологических страстей повнимательней.

8. Старый добрый феодализм мушкетеров и д'Артаньяна опирался на убеждение, что его общественный порядок есть, несомненно, *естественный* порядок. Но вот захулиганила Фронда, а следом расправила плечи и энергичная буржуазия XVIII века, которая, желая свергнуть этот «естественный» порядок, взяла на вооружение теорию, согласно которой статус человека определен не какими-то там естественными или, того хуже, врожденными факторами, а полностью зависит от обстоятельств общественной жизни. Вот Революция как раз и ставила своей целью изменение и улучшение социальных обстоятельств. Все настроения и

глупости теперь объяснялись вовсе не человеческой природой, а дурными условиями жизни общества. Вопрос о том, почему в одних и тех же условиях вырастали и бандиты, и честные ремесленники, не только не обсуждался, но никто им и не задавался. Зато появилась возможность для неограниченного оптимизма относительно человеческого будущего. В том состоялись причина и последствия теории воспитания, тесно связанной с революционными надеждами буржуазии XVIII века.

А вот основанное на дарвинизме учение об инстинктах – это детище капитализма XIX века. Капиталистическая система идет к гармонии через жесточайшие диссонансы конкурентной борьбы всех против всех. Стало быть, для утверждения капитализма нужно вернуть понятие *естественный* порядок, но уже в иной ипостаси – нужно доказать, что Человек – удивительнейший и сложнейший феномен природы – это результат той же борьбы всех против всех, всех живых существ, всех биологических видов с самого начала существования жизни. Итак, развитие жизни от одноклеточных до человечества – это величайший пример свободного предпринимательства, когда в конкурентной борьбе побеждает сильнейший, а те, кто не поспевают за развивающейся экономической системой, естественным (или насильственным) образом вымирают. Инстинктивисты торжествуют.

Но наступил век XX, и в историческом театре капитализм поменял костюмы при тех же амплуа. Для него теперь характерна не столько конкуренция, сколько кооперация крупных концернов. Теперь уже грызутся не все со всеми, а только крупные хищники друг с другом, да и то не все время. И нет уже необходимости доказывать, что непримиримая конкурентная борьба – естественный закон природы, а методы господства и авторитеты в XX веке уже не те, что в веке XIX. Авторитет церкви упал, королей – тоже, да их и осталось-то – раз, два и обчелся. В кибернетическую эпоху капитализм, дав трудовой массе хлеб и зрелища, а также благодаря гигантской концентрации предприятий получил совершенно новые возможности контроля, в арсенал которого входит психологическое манипулирование человеком. Методы воздействия совершенствуются. Взглянем хотя бы на продукцию Голливуда.

До 60-х годов XX века благородные экранные герои Эррола Флинна, Джона Уэйна, Юла Бриннера в борьбе за справедливость объединяли людей вокруг себя и все вместе побеждали зло. Многие помнят обруганный Хрущевым, но чрезвычайно популярный фильм конца 50-х годов «Великолепная семерка», где герой и шесть его соратников-ковбоев сплотили робких поначалу крестьян для успешной борьбы с бандитскими набегами... Но вот грянул грозный для мирового капиталистического спрута 1968 год. Студенты Сорбонны и рабочие заводов Рено всколыхнули Париж и многие города Франции своим боевым настроем в борьбе за социальные и политические права. Мир был потрясен. Успокоить волнения, грозившие перерасти в революционный взрыв, удалось лишь весьма значительными уступками. Например, французские студенты получили (и по сию пору имеют) систему образования, принятую в СССР, бесплатное обучение, достойную стипендию, оплаченные учебники и жилье. Сильным мира сего пришлось примириться с громадными финансовыми потерями. Они же и заставили Голливуд резко сменить курс в сценарной политике. После 1968 года – никаких коллективных протестов на экранах. Никаких «Великолепных семерок». Как в пустыне, по городам и весям бьются с мировым и местным злом Бонды, Рембо, Человеки-пауки и прочие супермены. Коллективистское доброжелательное «Я помогу» сменилось на отчужденное робкое «Не буду мешать». Измордованный герой каким-то образом побеждает, зло попорано, и только потом, как из-под земли, возникает шумной толпой полиция, которой попирать уже нечего, она даже и не пытается противостоять привычной, но зловещей надписи «The End»... А еще (если варево замешано на политике) лихие группы спецназа изводят под корень орды зловредных арабов, сербов, вьетнамцев и северных корейцев. Нарушая между прочим все нормы международного права. Все! А наше кино – туда же, вслед за Голливудом (психологическая обработка работает во всех направлениях), – и вот мы уже соперничаем «Ворошиловскому стрелку», великолепно снятому и сыгранному, но полному тотальной «безнадеги». Выхода нет (фильм под таким титлом тоже имеется), надо подчиняться обстоятельствам. «The End»...

Сегодня капиталистическому производству нужен человек гибкий, внушаемый, легко обучаемый, а не тот, кто задавлен страхом перед авторитетом и потерял «чувство локтя», но способен взбунтоваться, влившись в мятежный коллектив.

И, наконец, современное индустриальное общество имеет совершенно новые цели. Идеалами буржуа XIX века были независимость и частная инициатива, возможность быть «хозяином самому себе». Нынешняя Россия пока еще ковыляет, нащупывая пройденный ею же еще полторы сотни лет назад путь. Умы ее общества блуждают в болотном тумане подобных архаических представлений. А что же «мировая цивилизация»? Индустриальное общество с середины XX века рвется к неограниченному потреблению и неограниченному господству над природой. И если человечество одержимо овладеть природой настолько, чтобы однажды почувствовать собственную Божественную власть, то зачем же в натуре собственно *человека* должно сохраняться нечто недоступное для контроля и манипулирования? И выражением духа XX века по понятным причинам стал бихевиоризм. Но одновременно с этим возродились и приобрели огромную популярность идеи инстинктивизма. В чем тут дело? Чувство безнадежности и страха поселилось в сердцах миллионов перед лицом грядущего. Многие из тех, кто разочаровался в идее прогресса и потерял веру в то, что можно как-то изменить человеческую судьбу, сегодня ищут причины своих разочарований. И, не изучив тщательно социальные процессы, не поняв или не захотев понять их, они пытаются обвинить человека, низменную человеческую природу.

Этот исторический экскурс, возможно, интересен сам по себе. Но приведен он здесь в качестве попытки на таком примере показать с помощью аналогии, что если в системах «политика и экономика» и «различные ветви науки психологии» явления, независимые на взгляд непосвященного, на самом деле имеют глубокую связь, раскрывающуюся при внимательном анализе, то и в системах «природа» и «человечество», повторюсь, весьма вероятны пока еще невидимые и неисследованные связи, обуславливающие достаточно жестко детерминированные взаимодействия, которые проявляются в явлениях, казалось бы, ничего общего между собою не имеющих.

9. Культура последних нескольких веков была отмечена духом оптимизма и гордости за человеческий разум как инструмент познания и обладания природой. Свершались многие надежды человечества. Хотя многие из его целей еще не достигнуты, но нет сомнения, что они – в пределах возможного, а *проблема производства*, которая была действительно проблемой в прошлом, в принципе разрешима.

Однако современный человек «передового индустриального общества» чувствует себя все более обеспокоенным и озадаченным. Он трудится и борется, но одновременно чувствует тщету своих усилий. Власть человека над материальным миром возрастает, а в личностной и социальной сферах человек ощущает бессилие. Создавая новые и более совершенные *средства* овладения природой, человек запутался в сетях этих средств, утратил понимание цели, единственно дающей им смысл – *самого человека*. Рухнули надежды и идеи Просвещения, под знаменем которого начинался экономический и политический прогресс. Вместе с идеей само слово «прогресс» почти вышло из употребления, а заменило его – «свято место пусто не бывает» – слово «реализм», по сути своей обозначающее недостаток веры в человека. Идеи Просвещения XVIII века учили человека, не прибегая ни к Откровению, ни к авторитету церкви, полагаться на собственный разум в деле утверждения этических норм, опираться на самого себя в деле познания добра и зла. Девиз Просвещения «Познай!», т. е. «Доверяй знаниям», был побудительным мотивом всех достижений человека западной цивилизации. Возникшее сомнение в человеческой независимости и силе разума привело к моральному замешательству, и вот уже человеком не руководят ни Откровение, ни разум. А в результате – принятие релятивистской позиции, которая предполагает, что ценностные суждения и этические нормы есть исключительно дело вкуса и предпочтений, что никакие объективные ценностные суждения вообще невозможны. Инерция распространения релятивизма внедрила его в различных формах и в различные области знаний, в том числе и в естественные науки, где возникли трудности с созданием модели материи, а релятивизм позволил не тратить силы на поиски истины, якобы решив возникшие задачи, – типичная ситуация для

«кибернетического» общества (к этой ситуации мы еще вернемся в дальнейшем). Поскольку человек не может жить без норм и ценностей, то релятивизм сделал его легкой добычей различных иррациональных ценностных систем. И вернулся человек к положению, которое уже было преодолено просвещением античной Греции, христианством и во многом порочными, но бесспорно замечательными достижениями Возрождения и Просвещения XVIII века. Требования государства, восхищение «неординарными качествами» лидеров, достижения техники и материальный успех – вот чем стали определяться нормы человека в «цивилизованных» странах.

Одновременно с этой «ценностной метаморфозой» примерно с конца XVII века многовековой, – можно сказать, извечный – принцип экономики «производство для человека» стал с безжалостной уверенностью превращаться в уже бесспорный – незыблемый для общества в индустриальной рыночной цивилизации – принцип: «человек для производства». Никем не оспариваемая принципиальная бесчеловечность заменила ненужный теперь гуманизм. Легко заметить, что в наши дни это слово фигурирует лишь в демагогических декларациях.

10. Как же дошли мы до жизни такой? Где корень зла, когда пророс он, породив ядовитое древо, подобное Анчару, тлетворное дыхание которого убивает человеческое в человеке? Какие события прошлого дали «симметричный ответ» в будущем – в уже наступившем для нас *настоящем*? Для ответа на эти вопросы потребовались бы не одна и не две статьи, а сейчас следует лишь вкратце рассказать следующее. В середине XI века в ходе борьбы за главенство «западные» церковные иерархи, внеся ряд принципиальных догматических и обрядовых поправок в церковный устав, решились на раскол, и единая христианская церковь разделилась на две независимых – Западную, римско-католическую, и Восточную, греко-кефалическую, православную. За стойкость в вере История отблагодарила православие, сократив в нем до минимума и возможности, и количество религиозных потрясений. Но в католицизме, родившемся благодаря созданному его идеологами расколу в фундаменте христианства, сеть расползающихся трещин была заложена изначально, и дрогнувшая в вере Западная

Европа на века погрузилась в пучину религиозных войн, в кровь и потрясения мелких реформ и великой Реформации. Измена всегда приводит к беде... А количеству непродуманных шагов, предпринятых католической церковью и имеющих далеко идущие последствия, несть числа. Только два примера: притчей во языцех стали индульгенции, за которые Западной церкви следует краснеть до скончания веков. И еще: мало кто знает, что якобы более совершенный григорианский календарь, которым пользуются в быту с 1582 года, с самого начала отказался принять еще сам великий Николай Коперник. Отменным же римским папой «юлианским» календарем – он ведь, вопреки убеждениям большинства, точнее «григорианского!» – по сию пору пользуются астрономы и православная церковь...

...В 1054 году в Константинополь прибыли римские послы с папской «анафемой» Константинопольскому патриарху. Тот в ответ предал анафеме послов. Но не папу – хватило такта. Ровно через 200 лет в 1254 году Западная церковь окончательно подтвердила свое «расположение» к Восточной: в Константинополь ворвались крестоносцы и, не смущаясь крестами над тамошними соборами, подвергли город беспощадному разграблению и поголовной резне. Главный константинопольский храм, где укрывались женщины и дети, был по щиколотку залит кровью. Свершилось – Запад и Восток разделились навеки. Одновременно крестоносцы своими походами, а в особенности – неописуемыми зверствами, создали вечного врага Западной Европе в лице мусульманского мира, достаточно миролюбивого до той поры. Восточная же Европа продолжала сосуществовать с исламским миром спокойно, имея лишь малозначительные столкновения междуособного характера. Противостояние Востока и Запада приобретало порой самые причудливые формы. Даже грандиозное сражение на Куликовом поле в XIV веке, сравнимое по масштабам лишь со знаменитой Грюнвальдской битвой, было отражением натиска Ватикана на православную Русь: римский папа руками вдохновленного им крымского темника Мамаю, которому оказал всемерную поддержку, намеревался уничтожить православие в Московии, на что не покусились ни Чингис-хан, ни Тамерлан, ни Батый. Золотоордынский хан Тохтамыш был в то время на

стороне московского князя Дмитрия Ивановича (св. князь Дмитрий Донской) и поздравил его с победой.

Итак, Восток: после разделения православная церковь сумела сберечь в неприкосновенности догматы веры, создав этим духовные скрепы для будущего объединения русских княжеств в единое государство. Сохранилась и духовная доминанта, позволившая слить многие народы в единую нацию и уберечь от религиозных войн громадные пространства великой страны.

А что же на Западе? Пересмотры догматов, реформы церкви, придание римскому папе статуса непогрешимого представителя Творца на Земле, торговля (повторюсь) индульгенциями, оплата инквизицией «труда» доносчиков за счет жертвы – все это и многое другое привело к снижению духовной составляющей в жизни общества, к «приземлению» веры. Началась переоценка ценностей в пользу материального, что вместе с обязательным, но по преимуществу формальным, подчинением церковным ритуалам стало возводить в ранг добродетелей торгашество и лицемерие («богатый угоден Богу», «цель оправдывает средства» и т. д.). Церковные службы и книги на мертвом языке – латыни, непонятном простым мирянам, запрещение церковью чтения Библии (было и такое!) не давали людям уяснить, кроме простейших понятий, чему и зачем они молятся, что исповедуют. Об «изгнании торгующих из Храма» узнать было неоткуда. Папизм не только поспособствовал расползанию трещин в монолите веры. Собственной «революционностью» и одновременно борьбой с нею же среди своей паствы, аморальностью иерархов и мздоимством он подтолкнул к изъятию множества камней из фундамента церковного здания. Престол и трон св. Петра потеряли устойчивость.

Протестанты, жестко и решительно поднявшиеся против пороков католической церкви, казалось бы, должны были как-то исправить положение, повернуть душу человека к высокому. Но нет, процесс был необратимым. Протестантизм-то и породил идею об «угодном Богу богатстве». Крайняя бесчеловечность восторжествовала именно в его рядах: когда папа остановил резню, затеянную конкистадорами-католиками среди аборигенов захваченных земель Нового Света, утвердив, что Господь наделил их бессмертной

душой, и, стало быть, тут следует крестить, а не убивать, именно в это время протестанты отказали коренным жителям «обоих Индий» в праве обладать этой самой душой. А потому поголовное истребление «дикарей» ничем не отличалось ни от отстрела других исконных хозяев этих земель – диких животных, ни от выжигания лесов для расширения обрабатываемых угодий. Что успешно помогало приумножать трудом и молитвой их состояния, заполняя сундуки колонистов здесь, в укрепленных домах, и их банковские счета там, на родине. Естественно, «к вящей славе Божией».

В таких условиях зарождались современная рыночная экономика и «владыка мира» – человек нового времени. Правда, тогдашний рыночный мир выглядел гораздо пристойнее нынешнего. Например, реклама, от которой сейчас буквально нет нигде спасения, до XVII века считалась безбожным грехом. Товар должен был рекламировать себя сам, утверждая честную здоровую конкуренцию. Булочники, сапожники, кузнецы, прочие ремесленники и купцы вывешивали над дверями своих лавок и магазинов изображения кренделя, башмака, подковы – и только. Когда же стали появляться первые рекламы на заведениях перекупщиков и ростовщиков, струн души которых христианство никоим образом не задевало, деятельность их либо бойкотировалась, либо прерывалась, если безобразия продолжались. Но время шло, нравы, спотыкаясь и падая, менялись, и теперь мы имеем то, что имеем. Что до протестантизма, то крупнейшему его идеологу Лютеру нечего было бы делать, знай он православие. Ничего из того, что не принимал он в папизме, не бывало в Русской Церкви, и лишь его принципиальное незнание Востока – крещен-то он был в католической купели! – породило известного нам Мартина Лютера. А вот чехи-гуситы в Богемии, «чашники», «табориты» – те шли в бой под лозунгом «Хотим причащаться, как в Москве!» и несли над собой знамя с чашей Причастия. Они почему-то Россию знали. Видимо, хорошо помнили завет легендарной основательницы Праги – славянской княгини Либуши: «Смотрите на Восток, там наши братья!..».

11. Но сейчас нас должны интересовать два имени двух столпов Реформации первой половины XVI века. Это упомянутый уже Лютер и Жан Кальвин. Взгляды Кальви-

на и Лютера на человека оказали громадное влияние на развитие современного западного общества. В чем это выразилось? Современная культура вся пронизана табу на эгоизм: быть эгоистичным грешно, а любить других добродетельно. Несомненно, это учение находится в вопиющем противоречии с практикой современного рыночного общества, признающего индивидуализм, читай – эгоизм, и что, следуя этому непреодолимому стремлению, человек вносит наибольший вклад в общее благо. Но учение, согласно которому эгоизм – это величайший грех, а любовь к другим – величайшая добродетель, чрезвычайно устойчиво. Классическое выражение этот принцип обрел в кальвинистской теологии, согласно которой человек по сути своей зол и бессилён. Он не может достичь никакого блага, опираясь на свои собственные силы и качества. «Мы не принадлежим себе, – говорил Кальвин («Наставления в христианской вере»), – поэтому ни наш разум, ни наша воля не должны господствовать в наших мыслях и поступках. Мы не принадлежим себе, поэтому не будем полагать себе целью поиски того, что может быть для нас целесообразно, следуя лишь желаниям плоти. Мы не принадлежим себе, поэтому давайте, елико возможно, забудем себя и все, что наше. Мы принадлежим Богу, а поэтому для Него будем жить и умирать». Кальвин называл себялюбие «чумой, которая истребит того, кто будет слушать только свой голос. Есть только одно прибежище спасения: не знать или не хотеть ничего по своему усмотрению, быть ведомым Богом, который идет перед нами».

Эти взгляды, когда любовь к себе считается величайшим грехом, легли в основу того положения, согласно которому счастье человека не есть цель его жизни, но что человек есть лишь средство стремления к иному, высшему, – либо всемогущему Богу (по Кальвину и Лютеру), либо (в нынешних понятиях общества потребления) – не менее могущественным светским властям и нормам, государству, бизнесу, успеху.

Даже наиболее влиятельный мыслитель эпохи Просвещения Кант, который выдвинул принцип, что человек есть цель, а не средство, и тот осуждал себялюбие. И хотя Кант питал большое уважение к неприкосновенности личности, он отрицал, как Кальвин и Лютер, за человеком право протестовать,

если это несет угрозу суверену. Такой протест должен караться – ни больше, ни меньше! – смертью.

Но у других философов того же времени стремление человека к собственному счастью находило больший отклик, чем у Канта, – например, у Гельвеция. В современной же философии эта тенденция наиболее радикально выразилась у Штирнера и Ницше. И хотя они заняли позицию, противоположную и Кальвину, и Канту, они согласны с ними, что любовь к другим и любовь к себе – не одно и то же. Любовь к другим они осуждали как слабость, а добродетелью считали себялюбие и эгоизм, ставя между ними знак равенства. Или попросту, путая эти понятия. Вот здесь-то и следует присмотреться к сути терминов, ибо именно в этом кроется причина выхода на ложный путь.

12. Мысль о том, что эгоизм есть изначальное зло (а у Ницше – добродетель) и что любовь к себе исключает любовь к другому, не ограничивается рамками лишь теологии и философии, она стала непререкаемой истиной, идеей, внушаемой и дома, и в школе, и в книгах, и вообще всеми способами социального внушения из поколения в поколение. Формула «Не будь эгоистом» стала одним из самых мощных средств подавления спонтанного и свободного развития личности в современном мире. Под давлением этого лозунга от человека постоянно требуют жертвенности (по Ницше, это слабость). Рассматривая ситуацию с такой точки зрения, естественно, возникает понимание, что только те действия «неэгоистичны», которые совершаются не в пользу индивида, а в пользу чего-то внешнего по отношению к нему. Но – еще раз подчеркнем! – это картина односторонняя. В современном рыночном обществе Запада, да и в России наших дней, пропагандируется и прямо противоположная идея: блюди свою выгоду, делай то, что полезно тебе, и, поступая так, ты будешь действовать на благо других. Эгоизм есть основа всеобщего благоденствия – эта мысль стала краеугольным камнем в построении общества всеобщей конкуренции и благополучно переключалась в современное кибернетическое общество потребления. Два несовместимых принципа проповедуются в одной и той же культуре! Это странно, но без сомнения так оно и есть. Такая несовместимость обязательных принципов порождает в чело-

веке чувство замешательства, растерянности, неразрешимой неопределенности. Тут не отделаться шутками типа «как совместить беззаветную преданность с преданностью заветам?». Речь идет о проблеме, жизненно важной, о состоянии души. Сложившаяся ситуация представляет серьезную помеху в деле становления целостной личности. Ощущение неустойчивости, отсутствия почвы под ногами – один из наиболее значительных источников переживания современным человеком чувства беспомощности. Неполно раскрывшаяся личность не только «недоукомплектована» страстями, но и в проявлении движений своей души, в их оценке также неполноценна. А вот тут-то и начинает играть свою роль логическая ошибка в утверждении, что любовь к себе и любовь к другим взаимоисключают друг друга. Резкое ослабление, а потом и почти исчезновение религиозной доминанты в обществе со времен эпохи Просвещения выветрило из головы человека понимание, что и он, и прочие люди, каждый из всех – есть «образ и подобие Божие». Стало быть, любя Господа, как не любить людей, а с ними и себя, образ Его и подобие? Если любовь к ближнему – добродетель, то и любовь к себе – добродетель, а не грех, поскольку «и аз есмь человек». Не существует понятие человека, в которое не включалось бы и «аз есмь». Учения, настаивающие на подобном исключении, внутренне противоречивы. Идея, выраженная в библейской заповеди «Люби ближнего твоего, как самого себя», подразумевает, что уважение к своей личности, ее полноте и уникальности, любовь к себе, понимание своего собственного Я неотделимо от уважения, любви и понимания другого. Любовь к другим при нелюбви к себе – это, по моему мнению, нежизнеспособный асимметричный монстр, изнутри взрывающий внутреннюю гармонию человека. Любовь к собственной личности нераздельно связана с любовью к личности другого. На самом деле человек, не любя себя, не способен и к любви к другим.

13. И вот тут-то само собою проявляется лицо эгоиста. Он ведь тоже никого не любит. Нет ли тут внешней зеркальной симметрии по отношению к не любящему себя человеку? И действительно ли он тоже внутренне асимметричен, духовно ущербное чудовище с любовью к себе и нелюбовью к другим? Допуская, что любовь к себе и другим

в принципе неделима, как же объяснить суть эгоизма, явно исключаящего всякий интерес к другим? Эгоист заинтересован только в самом себе, в своих желаниях, знает только одно удовольствие – брать. А если уж дает, то всегда, в конечном счете, в собственных интересах, чтобы взять впоследствии еще больше. На мир он смотрит с точки зрения того, как он может употребить его для своей пользы. Не испытывает он ни интереса к нуждам других, ни уважения к их личному достоинству. Ничего, кроме главенства собственного Я. Даже будучи, например, учителем – профессия, казалось бы, не допускающая эгоизма, – он, рассказывая об успехах своего ученика, оценит не его способности, а заявит: «Вот какой я учитель!». Эгоист, подобно античному Нарциссу, не видит никого вокруг, кроме себя. Оценивая всех и вся с точки зрения собственной пользы, он по природе своей не способен любить. Тогда возникает вопрос: не доказывает ли это, что любовь к другим и любовь к себе могут и не совмещаться в противовес нашему утверждению? В том-то и дело, что любовь к себе и эгоизм – это не одно и то же. Совмещение этих понятий ложно, оно-то и привело ко многим ошибочным решениям многих проблем. Любовь к себе без любви к другим невозможна. Это нежизнеспособная, мифическая, гибельная комбинация, о чем недвусмысленно рассказывает античный миф о Нарциссе и его гибели, произошедшей по причине любви исключительно к себе. Но эгоисты живут и здравствуют, и во множестве... В чем же дело? *Любовь к себе и эгоизм не только не идентичны, но и диаметрально противоположны.* Эгоист любит себя так же мало, как и других. Фактически он даже ненавидит себя, особенно, когда пребывает вблизи человека, которому завидует. В этом случае он чувствует себя пигмеем рядом с гением, но даже если это и далеко от реальности, подобные ощущения для него невыносимы. Периодическое или постоянное требование проявлений со стороны чувств к нему, «любимому», происходит как раз из-за нехватки у эгоиста любви к себе. Отсутствие же особой заботливости и повышенной чуткости по отношению к себе самому, к своей личности (что свидетельствует о повышенной требовательности при пониженной продуктивности) порождает у него чувство пустоты и фрустрации. Последнее либо преодолева-

ется погружением в мир грез, когда человек представляет себя – и себе, и другим – не тем, кто он есть, а кем-то более важным и значительным, либо агрессией в отношении тех, кто кажется ему помехой на поле его разгулявшегося эгоцентризма. Либо и то, и другое вместе. В душе он все время чувствует себя несчастным и озабочен тем, чтобы урвать от жизни то, что принесло бы ему какое-то удовлетворение, но – парадоксальным образом! – сам же и мешает этому. Зачастую он отталкивает потенциальных помощников, а им пользуются другие, более сильные, эгоисты для достижения своих целей. Складывается впечатление, что он слишком заботится о себе, на деле же это оказывается безуспешной попыткой с одной стороны скрыть, спрятать, а с другой – восполнить, компенсировать именно эту беспрестанную и безуспешную заботу о себе самом. Фрейд утверждал, что эгоистическая личность нарциссична, ибо отказалась от любви к другим и всю любовь обратила на себя. И вправду, *эгоисты неспособны любить других, но они неспособны любить и самих себя*. Их нарциссичность требует восхищения окружающих, но любить себя они не в силах.

14. Поняв в общих чертах, что такое «эгоизм» и «себялюбие», попытаемся понять суть *своекорыстия* – одного из ключевых символов современного общества. Единственная возможность внести тут ясность, понять истинный смысл этого слова – это проследить его историческое развитие. Согласно Спинозе, *своекорыстие* или интерес к «поискам для себя полезного» есть добродетель. «Чем более кто-либо стремится искать для себя полезного, то есть сохранять свое существование, и может это, тем более он добродетелен. И наоборот, поскольку кто-либо небрежен собственной пользой, то есть сохранением своего существования, постольку он бессилен» [6]. Такое понимание интереса человека равнозначно реализации его задатков, осуществлению себя как человека.

За последние три столетия параллельно со становлением общества потребления понятие интереса к себе сузилось до такой степени, что оно приобрело смысл, противоположный концепции Спинозы. Оно стало идентифицироваться с эгоизмом, с замыканием интереса на материальных доходах, на власти, на удаче. И вот синоним добродетели превратился в этический запрет. Интере-

рес к себе стал трактоваться не как присущее человеку свойство, определяемое его природой (и его «богоподобием»), его человеческим существованием. Такое понимание было целиком заменено другой идеей: то, что человек *считает* представляющим его личный интерес, то и непременно является его истинным *своекорыстным* интересом. Вырисовывается любопытная картина. Мораль, этические нормы как будто живут самостоятельной жизнью: пока в человеке «жив Бог», пока он чувствует себя «Его подобием», интерес к себе, забота о собственной пользе являются несомненными добродетелями. Но когда человек Бога «теряет», меняет Его на «золотого тельца», мораль не принимает этой губительной метаморфозы, и «себялюбие», «своекорыстие» человека, подчинившего себя низким целям (их никак нельзя назвать идеалами), становятся в его же глазах пороками, как бы побуждая заблудшего покинуть ложный путь.

В современном рыночном мире понятие своего личного интереса образовано из странной смеси двух противоречащих друг другу понятий: с одной стороны, понятия из учений Кальвина и Лютера, а с другой – понятия мыслителей Просвещения, начиная со Спинозы. По Кальвину и Лютеру, человек должен подавлять свой личный интерес и полагать себя инструментом исполнения божественных целей. Мыслители Просвещения, напротив, учили, что человек должен быть целью, а не средством для осуществления трансцендентных идей, и тем, походя, «убили Бога». В результате человек принял содержание идеи кальвинизма, но при этом отверг ее религиозное начало, считая, что отбрасывает лишь внешнюю форму. И сделал себя *средством*, но не воли Бога, а экономической машины и государства. Стал инструментом, но не для Бога, а для промышленного прогресса. Стал работать и копить деньги, но не ради удовольствия их потратить для украшения и наполнения жизни, а для того, чтобы экономить, вкладывать, добиваться очередного «рыночного» успеха. Прежний монашеский аскетизм был заменен *«мирским аскетизмом души»* (Макс Вебер), с позиций которого личное счастье и радости земные в противоположность «рыночным» достижениям не могут быть целью жизни. В результате современный «рыночный человек» *живет* в соответствии с принципом самоот-

рицания, а *мыслит* в терминах своекорыстия. Он полагает, что действует ради *своих* интересов, когда на самом деле его главная забота – деньги и успех, т. е. он обманывает себя сам. Или «обманут рынком». Его наиболее важные, значительные *возможности человека* остаются нереализованными, он теряет себя в поисках того, что, как он полагает, является для него наилучшим. И ему вполне естественным видится, что за три столетия извечная формула «производство для человека» извратилась в утвердившуюся по сей день идею «человек для производства». Хотя и с грустью, но надо признать, что к этому привели гуманистические, но излишне «приземленные» идеи эпохи Просвещения, которые не столько парадоксально, сколько закономерно, сразу же обернулись против людей и в обсуждаемом вопросе, и в кровавых реалиях Великой Французской революции, приведшей к власти «корсиканца», к концу владычества которого Франция не досчиталась 40 % своего мужского населения. Трагедия, беспримерная в истории, такого никакому «сталинизму» не снилось.

15. Так что же такое *Я* современного «рыночного человека»? (Вновь и вновь подчеркиваю, что речь идет о человеке так называемой западной цивилизации, рука и дух которой во имя ее выживания стремятся проникнуть во все уголки мира и повсюду напористо стараются утвердиться под видом «демократии» и ценностей единственно «общечеловеческих»). Искажение смысла понятия своекорыстия, личного интереса тесно связано с понятием личности. Веками человек ощущал себя неотъемлемой частью социального и религиозного общества. В Новое время, начиная с эпохи Просвещения, возникновения новой машинной цивилизации и нового рынка, он столкнулся с необходимостью осознать себя как независимого, самостоятельного человека. Надо было решать проблему самоидентификации. И она решалась в XVIII и XIX веках чрезвычайно простым методом: понятие *Я* предельно сузилось – *Я* стало утверждаться размером собственности. Лозунг Просвещения «Я мыслю, следовательно, я существую» не произвел на нового человека ровным счетом никакого впечатления. Он уже начинал становиться «рыночным» (до «кибернетического» ему было еще далеко). Эпоха Просвещения лишила его Бога, а взамен он ничего у

нее взять не смог. И понятие «*Я* есть то, что я думаю и во что верю» заменилось формулой «*Я* есть то, что имею, чем обладаю».

В XX веке в условиях растущего влияния рынка смысл понятия *Я* сместился к формуле «*Я* есть то, каким меня хотят видеть». *Я* окончательно потеряло былую стабильность, определенный стержень, и приобрело гибкость, а точнее – некую бесхребетность. Дело в том, что человек, доживший до современной системы рыночной экономики, стал чувствовать себя товаром. Как продавец отделен от товара, так и он отчужден от самого себя. Он желает продать товар. Товар должен быть таким, каким его захочет приобрести покупатель за оптимальную цену на рынке личностей.

Реальный мир и мир рынка сосуществуют параллельно, их внешняя общность – кажущаяся. Человек рынка глух. Ему не услышать слов мудрецов и прозорливцев, живущих рядом в реальном мире. Ему не оценить замечания гениального Александра Пушкина о том, что *comfort* погубит Запад. Ему не понять трагедии «*заблуждения корысти*» в «Пер Гюнте» Генрика Ибсена. Ему чужд блистательный анализ *Я* современного человека в пьесах Луиджи Пиранделло. Беда современного человека не в том, что *люди слишком привержены собственной корысти*, а в том, что *они недостаточно сознают, в чем их действительные интересы; не в том, что они слишком эгоистичны, а в том, что они не любят себя*.

16. Первый, самый трудный шаг к самореализации и *организации сознательной жизни* человека (задача *производства* на Земле выполнена) будет возможен только тогда, когда он поймет, в чем его истинный интерес. В условиях культивируемого тотального самообмана у современного общества нет будущего ни в понятиях *человека для самого себя*, ни для *познания природы* (или Бога – в религиозном понимании). Развитие современной индустриальной мегамашины не допустит развития общества. Античный Рим уже приходил к вдохновившему гениев Ренессанса главенству человека при вульгарном измелении религиозного начала: богов низвели на землю, цинично наделив императоров «божественностью» (чем не будущий «папизм»?). Последствия не замедлили (в историческом масштабе) сказаться. Великий Рим рухнул, разьедаемый внут-

ренной ржавчиной бездуховности, разгула и разлада, то уступая в восточных провинциях ничтожным в военном отношении дакам, то почти не сопротивляясь буйным, но пока еще не ушедшим от дикости германским ордам Теодориха, захлестнувшим просторы империи Ромула. Германцы вскоре ушли в свои северные дебри, а Рим, потеряв величие, не захотел возрождаться в новом, навсегда униженном качестве... Роскошный Итальянский полуостров погрузился в дрему. Столетия спустя на благодатные полупустующие земли высадились жуликоватые сирийские авантюристы-торговцы, закрепились здесь и дали начало новому народу. Военная, экономическая и политическая мегамашина – великая Римская империя – канула в Лету. Мегамшины Вавилона и Древнего Египта еще раньше постигла та же участь. На их землях живут такие же «наследники» великих царств, какими числят себя итальянцы. Мир, цивилизация, теряющие свои духовные скрепы, неспособны к выживанию. Они обречены. И нынешнее состояние современного индустриального мира не внушает оптимизма, особенно, если приглядеться к «эволюции» порождаемого им человека.

17. Уже к 60-м годам XX века в обществе во множестве стали появляться люди, обслуживающие систему и не допускающие отклонения в поведении и в мыслях от стереотипов, заданных мегамашинной – «кибернетический человек» (Э. Фромм) [2]. Это произошло параллельно с первыми попытками, началом работ по созданию компьютера, заменяющего человека. И одновременно с этим в умах начала девальвироваться идея «прогресса». Вместо нее все чаще употребляется слово «реализм». Теперь не скажут «прогрессивный политик», но – «реально мыслящий деятель», вместо «прогресс в понимании» произносят «учет реальных факторов», вместо «прогрессивное развитие» – «процессы с учетом реалий времени» и т. д. Разочарование в «прогрессе» – это результат общей апатии, неуверенности, потери веры, любви, безуспешности поисков счастья. Подобное состояние душ описывал еще А. П. Чехов, наблюдая духовный распад общества уже начавшего испытывать «прелести» новой рыночной эпохи, но еще и не подзревавшего о грядущей «кибернетизации». Сейчас положение усугубилось. Так, может быть, в «реализме» спасение? В термине как

будто чувствуется некая надежность, противопоставление неуверенности, неспособности отыскать «пути своего во мраке». Рассмотрим внимательней суть «реализма».

Отношение к миру, его восприятие, может быть двояким. *Репродуктивное* – означает восприятие действительности всегда одним и тем же образом, вроде фильма, бесконечно воспроизводящего во всех деталях отснятый материал. Кажущееся простым репродуктивное восприятие, тем не менее, требует активной работы ума даже у аутиста, который в сходных ситуациях всегда действует по раз заведенному стереотипу. *Генеративное* восприятие – означает оживляющее и преобразующее постижение мира с помощью спонтанной активности умственных и эмоциональных сил человека. Каждому человеку свойственны, в той или иной мере, оба способа отношения к миру, однако относительный вес того или другого имеет весьма широкий диапазон. По временам либо один, либо другой способ как бы атрофируется, и тогда изучение и наблюдение подобных крайних случаев представляют собой лучший из возможных подходов к пониманию сущности каждого из этих явлений.

Нашей цивилизации – цивилизации индустриального кибернетического рыночного общества потребления – весьма свойственна относительная атрофия генеративной способности. Человек может осознавать некую реальность так, как она есть (или как принято в данной цивилизационной общности), но он не в состоянии принести в нее что-либо новое, оживить ее по-своему, внутри своего восприятия. Такой человек – «реалист» в буквальном смысле слова. Он видит все, что можно увидеть на поверхности явлений, но не способен проникнуть за пределы видимого, в их сущность, и мысленным взором увидеть невидимое. Он видит детали, но не целое, деревья, но не лес. Действительность для него – лишь совокупность того, что выступает в явном материальном виде. Нельзя сказать, что такой человек обладает небогатым воображением, но его воображение функционирует как вычислительная машина, комбинирующая уже известное и существующее, выводя таким образом свои последующие действия. Поистине – «кибернетическая» личность!

С другой стороны, человек, утративший способность воспринимать действитель-

ность – душевнобольной. Психотик строит свой собственный внутренний мир, в существовании которого уверен, как в истинной реальности. Он живет в своем мире, а существующее реально и воспринимаемое всеми – для него не существует. Если, например, аутист замечает окружающий мир, то он его боится, опасается его непредсказуемости. А самое непредсказуемое, таящее для него неизвестную, неопределенную опасность – это все живое, и в первую очередь он избегает живого общения. В его мире ему все подчиняется. В реальном – нет. Подвластные ему небольшие предметы неживого реального мира он выстраивает на плоскости в определенном порядке (чаще всего – «по линейке») и следит, чтобы этот порядок не нарушался. В таком «регламентированном» мире для него меньше таится опасностей. В нем все понятно, в нем все контролируется, в нем нет неожиданностей. Общается аутист (если общение вообще возможно) в большинстве случаев только с человеком, который согласен полностью ему подчиняться. Воображаемый мир и та часть реального, где он полный хозяин (в том числе компьютер, электронные игрушки и приборы), – вот сфера умственной и физической деятельности аутиста. В принципе из сознания психотической личности (аутиста, параноика и т. д.) реальная жизнь как бы стирается, а ее место занимает внутренний мир больного.

«Реалист» видит только внешность вещей, только явленный мир. Душевнобольной не в состоянии видеть мир, как он есть на самом деле, он воспринимает мир только как символ и отражение его внутреннего мира. Оба – больны. Болезнь психотика приводит его к социально неадекватным действиям. Болезнь «реалиста» обедняет его как человека. «Реализм», хотя и кажется прямой противоположностью психотизму, на самом деле дополняет его.

18. Истинной противоположностью «реализму» и психотизму является *продуктивность*. Нормальный человек воспринимает мир одновременно и как он есть, и оживляя и обогащая его своими способностями. Если одна из двух упомянутых способностей атрофирована – человек болен. Однако в норме человек обладает обеими способностями, несмотря на то, что их относительный вес у каждого различен. *Наличие этих двух – репродуктивной и генеративной способностей*

– необходимое условие продуктивности. Но продуктивность – это не сумма или комбинация обеих способностей. Это нечто новое, возникающее из их взаимодействия, подобно электрическому разряду между двумя разноименными полюсами.

Человеческая продуктивность может создавать материальные ценности, произведения искусства, системы мышления. Но *главный объект продуктивности – сам человек.*

Поразительный пример воздействия в высшей степени *продуктивной* личности – гениального живописца XVII века Питера Брейгеля – на человека, пример умения подключить зрительские *генеративные* способности восприятия можно увидеть в картине «Крестьянский танец», хранящейся в Музее истории искусства в Вене (см. рис. 1). Увидев однажды это полотно, зритель впоследствии вспомнит разгульную компанию пирующих крестьян и деревенских музыкантов под открытым небом и танцующую толпу, заполнившую сельскую площадь перед церковью. И прав будет зритель, именно это и изображено на известной картине. Но он сильно удивится, если вздумает пересчитать количество пляшущих пейзажей. Их всего-навсего три пары, да и не каждого толком видно-то! Живописец с помощью композиции и перспективы, а главное – благодаря своему потрясающему таланту, активизирует *генеративные* способности зрителя и заставляет его там, где «реалист» насчитал бы только шесть фигур, увидеть множество людей.

А вот произведение художника «нового времени» – «Черный квадрат» К. Малевича. Ничему (или почти ничему) в реальном мире это изображение не отвечает. Это – абсолютное «ничто», nihil. И в этом nihil большинство рядовых зрителей справедливо видят перед собой произведение нигилистическое, а зачастую еще и отражение безумия, иного мира, «иномыслия», регламентированного живописцем (или еще кем-то), поскольку заключено в четкую геометрическую форму. Не очень внятные разговоры художников-профессионалов о том, что, дескать, в оригинале на полотне видны «множество оттенков черного», хоть и вызывают улыбку, но ничуть ситуацию не облегчают. Замкнутый мир профессионала любой специальности так же чужд миру обывателя, как и мир обитателя «дома скорби». Обычный психологический анализ этой картины без сомнения выявляет

в ней деструктивный символ. Не хочется говорить о болезненном начале столь известного творения, но, нарисуй это ребенок, его тут же стали бы лечить.

Итак, с точки зрения искусства это произведение весьма необычное, вызывающее много вопросов, на которые логически обоснованных ответов нет, а ответов, основанных на ассоциациях и домыслах, слишком много, что одно и то же. Но известность картины несомненна и превосходит в этом отношении все прочие модернистские полотна.

С точки зрения символики ответ в логическом плане можно найти в трактате «Кичур Шулхан Арух», в 121-й главе: *«После разрушения Второго храма мудрецы Торы постановили, что даже в самые радостные минуты жизни каждый обязан каким-то образом выразить, что ничто не может заставить нас забыть об этой страшной катастрофе...»*

По установлению мудрецов следует оставить на стене против входной двери нештукатуренный квадрат размером локоть на локоть (т. е. те же 48 × 48 см, что и у картины Малевича), чтобы всякий раз, увидев его, вспоминать о разрушенном храме...»

Вот он – символ, вот она – деструкция, разрушение, вот они – причины известности, популярности и признания многими этого – в их глазах – шедевра. Результат *продуктивности* живописца делит общество на «реалистов», использующих в своем анализе этой картины лишь *репродуктивное* восприятие (им, погруженным в состояние неопределенности, ничего другого не остается), и на тех, чье восприятие, имеющее в данном случае религиозную основу, *генеративно*. В случае с картиной Брейгеля такого разделения на профанов и посвященных не происходит.

В своей педагогической практике, работая с ребенком, лишенным от рождения и *репродуктивного*, и *генеративного* восприятия (тяжелейшее состояние, так называемый «неразвиваемый и необучаемый» индивид), который не только не видел нарисованного на листе бумаги, но и не отличал этой бумаги от стола, где она лежала, моей задачей было инициировать у ребенка *репродуктивное* восприятие, научить видеть изображенное на бумаге. По выполнении этой задачи ребенок стал «реалистом». А затем наступила очередь главной задачи: научить его учиться. Для это-

го нужно было развить у него способность к *генеративному* восприятию. И когда ребенок, рассматривая альбом репродукций, стал отвечать на такие вопросы, как «где тут находится солнышко?», правильно указывая на источник света, на картине не изображенный, т. е. научился раздвигать внутренним взором рамки, ограничивающие пейзаж, тогда с уверенностью можно было уже говорить, что и *репродуктивное*, и *генеративное* восприятия у него теперь присутствуют, стало быть, условия для *продуктивности* имеются, и задача «научить учиться», на которую ушли годы, выполнена.

19. В качестве еще одной иллюстрации к сказанному о «реализме» ниже приведен пример, который допустимо и пропустить, не читая, без потери связности излагаемого. Но как характеристика одного из качеств человека современного общества он тоже может быть полезен.

Черты нового рыночного человека проникают в общество незаметно, чаще всего люди не замечают свое перерождение. В котле кипения страстей, сопровождающих неумолимые шаги «прогресса», возникают и пропадают различные мировоззренческие течения, литературные школы, художественные направления. Одни оставляют значительный след в истории культуры, другие пропадают бесследно. Не осталась в стороне от этих процессов и Россия, в результате чего во 2-й половине XIX века на фоне бурно развивающейся экономики, политических и военных катаклизмов возникло новое направление в живописи, коротко именуемое «реализм». Это название не слишком полно отражает его достоинства, из которых едва ли не главным была «критика существующего положения в России». И вот в 1873 году в Вене (а в 1878 году и в Париже) на выставке появилась картина молодого русского живописца, которая сразу привлекла внимание и вызвала восторг европейской публики (сразу скажу, что в России эта картина в то время такого успеха не имела). Во многом причиной тому было подтверждение мнения высокомерного и в большой степени невежественного западного обывателя о России, что это страна дикая, необразованная, темная и донельзя угнетенная, где нет, да и не может быть ничего светлого и положительного. Кроме, разве что, таких художников, которые это мнение подтверждают. А теперь, чтобы не повторять то,

о чем я уже однажды писал, позвольте привести фрагмент моего письма из старой переписки. Письмо личное, поэтому прошу извинить за некоторые особенности стиля.

...июля 2004 г.

... Когда-то художник Верещагин, еще в ту пору не слишком знаменитый, замыслил картину о России и ее народе, о мощи и нищете, о тяжком труде и небыстром, но неудержимом движении вперед против всех встречных течений, о силе, все преодолевающей, когда, часто из последних сил, но – все вместе, с пониманием, что один без другого – никуда, без высоких слов и лишних разговоров делают общую работу, не именуя ее ни «общим делом», ни «высокой целью»...

Замысел был потрясающим. Это, безусловно, так, поскольку, даже когда другой крупнейший живописец испортил замысел Верещагина, то созданная им по этой мысли картина стала, по мнению многих, лучшей русской картиной 2-й половины 19 века.

Сам Верещагин не смог осуществить задуманное и начатое. Крайнее безденежье (не помогали даже родители) заставило его долго перебиваться случайными временными заработками, а потом пришлось ехать в Туркестан, что предполагало как-то поправить дела. И понеслась гисторическая круговерть, смерчем захватившая его навсегда в свои объятия, и приведшая к гибели, достойной эпического героя...

Но мысль об оставленной картине никогда его не покидала...

Теперь самое время глянуть на картину ¹.

Вот она, Русь, несет свою ношу, тянет груз в три лямки тремя ватагами, а там, за их плечами, за здоровенной баржей – еще такая же, и такие же бурлаки, по всему видно, тянут и ее... Какой ритм, единый ход враскачку!.. Так и слышится раскатисто-стонущее «Эй, ухнем!...» И уж не знаю, что вперед и громче загудит-прогрохочет: полуязыческое

...Мы по бережку идем,
Песню Солнышку поем...

или и досадливое и торжественное вместе

...Ой ты, Волга, Мать-река,
Широка и глубока...

А каково построение! Одна ватага идет прямо на нас, плохо видна в туче пыли более сухой земли, другая просматривается получше, и, наконец, ближняя к воде, где каждую фигуру нам уже хорошо видно.

Любой из этих людей лишь по отдельности может вызвать жалость и сострадание. Но все вместе!..

...Эскизы отдельных фигур я не шлю, чтобы не утяжелять письмо (имеешь право сказать: свои-то натюрмортики, однако ж, прислал, не стал экономить!)...

...А? Каково? Вот это мастер! Вот это натие! Вот это новость! С чем до того можно это сравнить? Да и после... Суриковские мощь и напор, грандиозная сила обобщения!

А теперь обратимся к рисунку ², посланному для справедливости сравнения в эскизной черно-белой форме. В цвете и во всех подробностях это полотно помнит, думаю, каждый.

(«Вот два изображенья:
Вот... и – вот...»
Шекспир. «Гамлет»)

Ребята, да их тут и дюжины не набирается! И чего они там потянут? Барынин дормез, завалившийся в канаву?

...Ладно. Согласен. Репин – великий живописец, и мы имеем замечательный групповой портрет нескольких босяков, даже имена которых оставила нам благосклонная к знаменитости история. Но причем тут бурлаки на Волге? Хорошо помню (читал), как выискивал их, каждого, сам живописец, искавший яркую натуру. Очень поучительно и интересно. Но видел ли он хоть краем глаза, как неподъемную громаду тянет орава против течения?.. «Орава» – это правильное название, она делится на «ватаги», каждая из которых вываживает баржу своей лямкой. (Не могу отделаться от мысли, что «орать» – это древнерусское «работать в поле», «пахать». Тогда не отсюда ли масса работающих совместно людей – «орава»? И какой кошмар тогда получился, когда древнерусское «орет орава» превратилось в нынешнее понимание этого словосочетания...)

Топчутся несколько живописных оборванцев на песке, и непонятно над чем они надрываются, при видимой за ними (точь в точь, как у Верещагина) барже. Действительно, ведь тянут, вернее, навалились честно на лямки только

¹ См. рис. 2.

² См. рис. 3.

шестеро: первая «тройка» и последняя. А чем заняты пятеро промеж них, одному живописцу и поклонникам этой картины понятно (первым из последних был Стасов, которому было все неглавным, что не трезвонило «критиколоколом» по всему тому, что... в общем, по всему, и все тут). Ну, а здесь!.. Так и дышит страстным ДОЛОЙ!!! и НЕ ХОЧУУУ! каждый мазок могучей без преувеличения кисти. Вот и стало полотно «наилучшим», когда лишь малая толика позаимствованной идеи была воплощена (вполне коряво, если сравнивать с истинным замыслом, но весьма впечатляюще, если о нем ничего не знать) гениальным по своему живописному таланту, но совсем другим по мировоззрению и темпераменту человеком.

Интересно, что впоследствии Репин и его почитатели долго рассказывали, как «зрел замысел», готовились материалы...

А Верещагин столь же долго, до самой гибели, печалился о загубленном начинании, в которое Репин был посвящен...

...Вот если прикрыть ладонью головную трицу и самую последнюю, справа, то, отвлекшись от тематики сюжета, ни за что не догадаться, чем эта публика в числе пяти человек, собственно, занята...

Один, длинный, в шляпе – курит! Потяни-ка лямку, травясь и травя других дымом! А он, между прочим, и не тянет. Вот как сидел в кабаке, видать, солдат Зотов, так его сюда и разместил живописец.

Некоторые остроумцы из порою симпатичной, но всегда возбужденной, команды Стасова домыслили, что он, дескать, очень хитрый и халтурит. Хи-хи, что ли?.. Знали бы они, что делала с такими хитрованами ватага. Не советую даже догадываться. Не только хихикать да улыбаться, пищу принимать изрядное время не захочется.

Долго говорить не буду, но парень в светлых рубахе и портках вообще подался куда-то в сторону помимо общего, как предполагалось бы, хода. И его жест, и позиция идущего рядом мужичка, говорят о желании, пардон, оправиться. С их лямками тоже как-то не все ясно...

А теперь глянем еще раз на всех вместе. Те, кто тянут, вовсе не тянут, а вот-вот помрут, если еще не померли. Так тянуть нельзя, даже если их тут тысяча наберется. И не все, видать, знают, что с непокрытой головой при такой работе на солнце и сотни шагов не сделать. Это – преддверие братской могилы.

...Зовите хозяина, его баржу сейчас унесет в Астрахань!

...и не виноват Репин, что господа либералы и в России, и по всей Европе воспевали гениальную безграмотность и весьма своеобразное знание жизни. Он себе писал и писал, а «потрясатели основ» делали свое дело, заражая своей прогрессивностью каждый следующее за ним поколение... Иногда складывая свою голову. Чаще – чужую. Порой – обе.

Так и живем до сей поры. Всегда и везде.

Хоть при деятелях пред-кромвелевой эпохи...

Хоть при похабной клоунаде французских энциклопедистов, сунувших-таки обдуренную Францию под гильотину...

Хоть в Англии при Томасе Море, не потерявшем головы, пока не помог оболгать законного короля Ричарда III, чтоб покрепче посадить на трон узурпаторов Тюдоров, навесивших на Ричарда свои убийства... После чего Мор и был с благодарностью обезглавлен. Гений-Шекспир вскорости добил своей пьесой последний гвоздь в гроб сухорукого рыцаря, но кто знает, что с ним самим потом стало, и кто он вообще таков? Не в том ли причина таинственности бытия «Лебедя из Стратфорда-на-Эйвоне»? Этакая «Железная маска» мировой драматургии...

Куда ни глянь – одно и то же. Особо англичане поотличались. Даже убийство нашего Императора Павла Первого (кстати, почему Первого, ведь последующего, вроде, не состоялось, да и не ожидалось?) сумели организовать, избавив себя от «козней» Наполеона и сделав этим неизбежным его поход в Россию в 1812 году...

...Что-то меня занесло в совсем другие палестины, очень даже не те, к которым подвигнулся по-первости...

Покеда, однако.

Интересно, что западная критика, венская и парижская, практически не писала о живописных качествах полотна. В основном обсуждались русские типы «с дикой и суровой физиономией». О том же, что за время работы над картиной, продолжавшейся три года, бурлачество как «вид транспорта» был сведен в России к нулю, не хотели знать ни живописец, ни критика.

Как видите, «реализм» западного зрителя в данном случае вполне «аутичен». Россия как внешний мир в его воображаемом мире

ничего, кроме угрозы для его душевного спокойствия не представляет. Да и бурлачества в Западной Европе никогда не существовало, потому картина и не могла вызывать вопросов. А на полотне был создан мнимый мир, хотя и реальный в портретных и пейзажных деталях. Вмешалась идеология, либеральная ли, революционно-демократическая – неважно! – а никогда нельзя забывать о всегда ложном в большей или меньшей степени, мистификаторском характере идеологии: «Идеология – ложное сознание» (Мангейм) [5] (цит. по Э. Фромму [3]). Картина отражает мир нереальный, мир идеи, в которой «желание лучшей жизни» выводит у живописца на первый план то, что абсолютно искажает понятие о России и представляет ее в заведомо худшем, чем на самом деле, свете. Полотно «отработало» на «раздрай» в собственной стране и на противостояние Востока и Запада. Не правда ли, просматривается разрушительный характер репродуктивной доминанты при очевидном наличии генеративной составляющей в работе художника? Этот пример заставляет еще раз вспомнить, что *пребывание и деятельность в воображаемом мире объективно ведет к деструкции.*

Человек в рыночном мире не реализовывает себя вполне, его жизнь объективно протекает втуне, он ее не проживает по-настоящему. Нужно помнить, что «деструктивность – это энергия «непрожитой» жизни, трансформируемая в энергию разрушения» (Э. Фромм) [4]. «Кибернетический» человек современного «передового» общества успешно пока пользуется рассудком – инструментом решения практических задач, но способность пользоваться разумом – инструментом познания сущности предметов и явлений уже изрядно разрушена. В приведенном примере с картиной самое страшное не то, что связано непосредственно с ней, висящей для всеобщего обозрения в Русском музее и репродуцированной миллион раз. Трагично то, что за весь XX век никто не спросил, как это десяток обессиленных оборванцев может тянуть неподъемную машину? Определенно, с коллективным разумом что-то происходит...

20. Если характернейшая черта «кибернетического» человека современного рыночного общества – это встраивание в мега-машину, подчинение ее законам и задачам, то не являются ли аутисты, не приемлю-

щие внешнего мира, его противоположностью? Этот вопрос возник у меня более десяти лет назад, когда я окончательно убедился в бесчеловечной, патологической, агрессивности «внешних обстоятельств» во всем их разнообразии и одновременно с этим обнаружил, работая с «особыми» детьми, неприятие внешнего мира у аутистов. Неприятие патологическое, абсолютное в отдельных случаях. *Есть ли тут противостояние, антагонизм?* Это первое, что пришло тогда в голову, и казалось, что в вопросе кроется ответ, причем правильный ответ. Но позже выявились обстоятельства, которые требовали рассмотреть ситуацию с большим вниманием. Для ответа на этот вопрос сравним характерные признаки аутиста и «кибернетического» человека.

Итак, «кибернетический» человек. Для него в первую очередь характерна склонность к неживому, своего рода обожествление техники. Достаточно взглянуть на отношение современного человека к автомобилю, например, или к радиотехнике. Автомобилисты обсуждают технические, ходовые качества своих машин, и почти не слышно, чтобы они делились впечатлениями о поездках. Владельцы стереосистем озабочены их частотными и динамическими характеристиками и сплошь и рядом забывают о *музыке*. Конечно, вовсе не обязательно, что это происходит со всеми. Речь идет об очевидной тенденции к росту числа таких людей в обществе, у которых страсть к техническим приспособлениям вытесняет, заменяет подлинный интерес к жизни и избавляет человека от применения всего того обширного набора способностей и функций, которыми он наделен от рождения. Интересно, что Э. Фромм непосредственно связывает обожествление техники и деструктивность. В качестве ярчайшего примера он приводит творчество Ф. Маринетти – основателя и главы итальянского футуризма, который всю жизнь был фашистом. В первом «Манифесте футуризма» (1909) он сформулировал идеи и лозунги, которые нашли полное понимание и поддержку в идеологии национал-социализма, а в начале второй мировой войны были реализованы. Особое чутье художника дало возможность Маринетти предсказать и выразить мощные тенденции, которые были тогда едва уловимы. (Подобным образом еще раньше Г. Ибсен и А. Чехов распознали

признаки духовной деградации общества). В «Манифесте» декларированы серьезные элементы деструктивности и некрофилии: обожествление машин и скоростей, понимание поэзии как средства для атаки, прославление войны, разрушение культуры, ненависть к женщине, отношение к локомотивам и самолетам как к живым существам.

В первую мировую войну связь техники с деструктивностью и отчуждением от результатов деятельности еще не проявляла себя. Новое оружие было всего лишь продолжением традиционного. Вторая мировая война внесла решающую перемену: самолеты стали средством *массового* уничтожения. Летчики сбрасывали бомбы нажатием кнопки и не размышляли о том, что убивают тысячи людей. Их задача состояла в обслуживании машины в точном соответствии с планом полета. На уровне рассудка им, конечно, было ясно, что под крылом их машины погибают люди, но чувства при этом молчали, разум спал, бодрствуя. Их лично все это не затрагивало. И – никакой ответственности, ни сознательной, ни бессознательной. Подобного рода отчуждение прямо предшествует такому, когда и тело свое он воспринимает исключительно как средство, инструмент для денежного успеха – это рыночный человек. (В последние годы это наглядно проявляется и в отношении к женщине. Чтобы убедиться в том, нужно просто включить телевизор и дождаться первого же блока рекламы – и можно всласть налюбоваться, как через женскую «фактуру» подается «товар лицом», и лицо ли вы видите или нечто другое. Не приходится сомневаться, что «вторая древнейшая профессия» – живой товар, – убив в себе *человека*, рекламирует себя через товар неживой. А «кибернетический» зритель уже привычно и бессознательно это потребляет с помощью любимой игрушки – телевизора).

При рассмотрении предельно отчужденного «кибернетического» человека нельзя упускать из виду еще один важный момент: раздвоенность сознания, шизоидность, как у тех же пилотов-бомбометателей, которые убивали, не испытывая душевных мук, одновременно искренне храня в душе заповедь «не убий». Это явление можно наблюдать и в элементарных жизненных ситуациях (на бирже – спекуляции, замешанные на обмане, лукавая игра, а дома, в семье – «не укради»; проповедь высокой морали на TV – днем,

показ «эротических», а по сути – порно, программ – ночью, и т. д., и т. п.). «Кибернетическая» личность руководствуется исключительно рациональными категориями, причем такого человека можно назвать *моноцеребральным* – человеком одной мысли, «одного измерения». Все его отношение к окружающему миру и к себе самому носит чисто рассудочно-познавательный характер: он хочет знать, как делаются вещи, как устроены и как ими управлять. Этот интерес в значительной мере стимулировался развитием науки, которая составляет сущность современного прогресса, базис технического освоения мира и обеспечение массового потребления. При этом в науку вторгся дух торгашества, корысти, «сегодняшней пользы». Сама наука в этом «не виновата»: просто современный рыночный человек забыл известный принцип, вернее, вторую его половину: «Наука обязана развиваться, не озабочиваясь своей полезностью». Последним эти слова в начале XX века произнес К. Леонтьев, после него эту истину уже никто не вспоминал.

Но разве в этой ориентации есть какая-то угроза здоровью общества? На первый взгляд «прогресс» такого рода не сулит ничего страшного. Однако есть факты, вызывающие тревогу. *Во-первых*, такая моноцеребральная установка встречается не только у представителей науки, но и у большей части населения – у служащих и торговцев, инженеров и врачей, учителей и менеджеров, и особенно они характерны, как заметил Э. Фромм, у представителей творческой интеллигенции. Все они смотрят на мир, как на собрание вещей, которые нужно понять с целью полезного их употребления. *Во-вторых*, что не менее важно, такая рационалистическая установка идет рука об руку с недостатком эмоциональной чувствительности. С большой долей уверенности можно утверждать, что чувства отмирают, а не вытесняются. Пока чувства еще живы, на них не обращают внимания, не культивируют их, не облагораживают, и они становятся грубыми, чувства выступают в форме страстей. Например, страстное желание одержать победу, жажда показать перед другими свое превосходство, страсть к разрушению. Или они выражаются в возбуждении – от скорости, секса, шума, громкой музыки (чаще всего – от ее суррогата). И *есть еще один фактор*, причем весьма примечательный: для

моноцеребральной («кибернетической») личности характерна специфическая форма *нарциссизма*, при которой объектом интереса становится его собственное *Я* – *его наполнение, ведущее к успеху* – умение, способности, тело. «Кибернетическая личность» настолько сильно вписана в автоматизированную систему, что механизмы, созданные руками человека, становятся также объектами его нарциссизма, он обожает машины, как самого себя, вплоть до некоторого рода «симбиозных отношений». Машину часто в таких отношениях занимает другой моноцеребральный индивидуум. Пример такой связи (нарциссичный учитель – аутичный ученик) будет приведен далее. «Соединение индивида с другим человеком (или любой другой системой вне собственного *Я*) достигается таким способом, что каждый из них утрачивает собственную целостность и оба становятся взаимозависимыми» [3]. (Нужно заметить, что взаимозависимость может оказаться временной и прерваться, как только один из персонажей до конца извлечет всю пользу из этого симбиоза: он покидает, бросает свою «машину», поскольку она выполнила свою задачу, и ищет другую. «Машину» же остается существовать в своем ущербном состоянии или находит нового хозяина-партнера). В символическом смысле матерью человека становится не Природа, а «вторая природа», машинная, рукотворная, которую он создал сам своими руками и которая должна его кормить и защищать.

Другая характерная особенность «кибернетической» личности – его склонность к отработанным, стереотипным моделям поведения, проявления квазишизофренической «навязчивости» повторяющихся произвольных действий и жестов. Поражает сходство действий моноцеребрального человека с поступками шизоида, отмечает Э. Фромм. Но еще более сильны в этом типе личности «кибернетического» человека элементы детского «аутизма».

На основе педагогических и клинических наблюдений можно отметить следующие черты *синдрома аутизма*:

- утрата первоначальной способности отличать живую материю от неживой;
- если способность отличать живое от неживого не утрачена полностью, наблюдается привязанность к неживым объектам (к стулу, к игрушке, к компьютеру, к электронной

игре) наряду с неспособностью испытывать теплые чувства к людям, даже к собственной матери;

- привязанность к полностью подчиняющемуся человеку, как к управляемому механизму или игрушке, при отсутствии интереса к нему как личности;
- настоятельная потребность рассматривать вновь и вновь одно и то же;
- безусловная повторяемость одних и тех же действий (порой весьма сложных) в сходных ситуациях;
- стремление «выстроить» предметы, находящиеся на плоскости, в постоянный определенный порядок и периодически контролировать «строй»;
- острое желание покоя, отвержение попыток человеческих контактов;
- использование языка (при наличии речи) в манипулятивных целях, но не в качестве межличностных связей;
- пониженный уровень эмоциональных реакций, обеднение чувств, частичная атрофия чувствительности вплоть до заметного снижения реакции на боль.

Нет необходимости доказывать сходство перечисленных черт с чертами характера «кибернетической» личности. Особенно в таких моментах, как «склонность» к неживой материи, отсутствие привязанности (любви) к другим людям, использование речи не для общения, а для манипулирования, и преимущественный интерес не к людям, а к машинам, механизмам, компьютерам. Правда, у «кибернетической личности» эти черты представлены в менее крайних формах. Пунктуально сформулированное описание сходства этих двух психологических типов может вызвать некоторое непонимание и даже протест, но наблюдение их в жизни практически всегда приводит к констатации этого факта. Невзирая на внешнее сходство синдрома детского аутизма и ряда черт взрослого «кибернетического» человека (а ведь, если помните, сначала мы предположили, что эти типы людей противоположны по характеру!), только развернутые исследования могут установить, в какой мере сходное аутизму поведение взрослого является психической патологией. С другой стороны, появление детей с синдромом аутизма именно в XX веке – времени стремительного роста количества «кибернетических» людей, обслуживающих современное общество потребления – наводит на самые серьезные размышления.

21. В связи с изложенным возникает вопрос, как, в какой форме и насколько глубоко проникают в души различных людей «реалии нового мира»? В качестве примера (но не ответа на вопрос) можно привести одну из сложнейших и влиятельнейших фигур XX века – сэра Уинстона Черчилля. Дело было в Северной Африке. Лорд Черчилль герцог Мальборо (а проще – сэр Уинстон) и фельдмаршал Алан Ф. Брук – шеф Британского Генштаба сидели за обедом. День был очень жаркий, было много мух. Сэр Уинстон убивал их направо и налево, то же, вероятно, делали и все остальные. Но затем (фельдмаршал пишет, что он был шокирован этим поступком) к концу обеда Черчилль собрал всех убитых мух и «выстроил» их в ряд на скатерти, посматривая на дело своих рук, как охотник-аристократ, перед которым слуги выстраивают подстреленную дичь, желая его порадовать... Такой же факт сообщает и личный врач Черчилля лорд Моран, из чего следует, что сэр Уинстон Леонард Спенсер лорд Черчилль герцог Мальборо проделывал это не раз.

Если поведение Черчилля кто-либо захочет объяснить «привычкой», то остается вопрос для психолога или психоаналитика, что означает столь странная привычка?

Отличную возможность доступного всем наблюдения за современным состоянием умов дают ТВ-программы, где перед глазами миллионов зрителей свободно высказываются множество представителей самых разных слоев общества. Это в первую очередь такие шоу, как «Кто хочет стать миллионером?» и «Поле чудес» (достаточно издевательские названия, но они, похоже, мало кого удивляют), с весьма популярными ведущими Галкиным и Якубовичем. Не «быть», а «казаться» – это качество современного человека регулярно «высвечивается» на экране, когда в шоу участвует кто-нибудь из артистической, литературной или еще какой-нибудь «элиты». Неглупый и острый на язык Максим Галкин однажды не выдержал и прокомментировал сложившуюся ситуацию в том духе, что наша умничающая «интеллигенция» постоянно готова высокомерно, глубокомысленно и безапелляционно рассуждать о высоких материях, не дав себе труда хотя бы познакомиться с предметом. Это произошло после того, как известнейший писатель-сатирик, популярная тележурналистка

и еще один деятель, отнесенный по ходу шоу к категории «мудрецов», совещаясь втроем, не смогли назвать исполнительницу главной женской роли в фильме А. Тарковского. При чем нужно было выбрать одну из всего-то четырех предложенных фамилий. И фильм известный – «Зеркало». Казалось бы, нет ничего особенного, в том, что не ответили. Ну, не знают и не знают... За одним дело: о творчестве Тарковского за последние 40 лет в среде нашей интеллигенции даже ленивый не промолчал! А вот фильмов не видели...

Другой, еще более яркий, пример явили несколько именитых академиков, которые все, сколько их было на шоу, встав в тупик перед вопросами, которые были чуть сложнее самых элементарных, показали такую «зашоренность», близкую к убогости мышления, что оставалось только диву даваться и вспоминать о «моноцеребральности»... Больше академиков на это шоу Галкин не приглашал.

А однажды самого Галкина, широко образованного человека, филолога по специальности, пригласили на ТВ-встречу известных специалистов-филологов. Было заявлено обсуждение тем также филологических. Но на деле началось такое пережевывание костей и пережевывание сплетен из «эпохи тоталитаризма», что самый молодой из приглашенных М. Галкин, тактично назвав предмет завязавшейся беседы «историей литературы», предложил поговорить все-таки о филологии. С этого момента собрание «членов современного общества» игнорировало «человека творческого начала» как инородное тело. Произошла классическая подмена «генеративного интереса» «репродуктивным любопытством». «Параллельные миры» не пересеклись.

Снижение «уровня интересов» в обществе ярко характеризует не столько «любимое», сколько приучившее к себе ТВ-шоу «Поле чудес», в котором принимаются подарки от телезрителей и от участников шоу «из народа». Сколько-нибудь «интеллектуальные» подарки, плоды творчества, шлют почти исключительно дети, а взрослые везут в «голодную» Москву еду и выпивку. При чем последнее приветствуется и принимается ведущим с подчеркнутым восторгом, но тема углубления психологической зависимости от спиртного в обществе требует специального внимательного рассмотрения так

же, как особо рассмотреть следовало бы и вопрос о развлечениях и хронической скуке – в компенсированной или некомпенсированной форме, – которая представляет собой одну из основных психопатологий современного технотронного общества. Этот феномен начал привлекать к себе внимание лет 40–50 назад. Уже тогда стало отчетливо заметно, что людей, которым практически никогда не бывает скучно, становится все меньше, и в кибернетическом обществе они становятся исключением. Что касается «большинства людей, то они, конечно, не тяжелобольные, но можно утверждать, что они все страдают в легкой форме таким недугом, как недостаток продуктивности» [2]. Можно сказать, что одна из главных целей человека, если он обрел возможность сносного физического существования, состоит в том, чтобы убежать от скуки. Казалось бы, что те, кто имеют досуг, могли бы использовать его для своих талантов и наклонностей, но необходимо помнить, что и свободное время давно стало объектом манипулирования со стороны индустрии потребления. Оно несет такой же отпечаток скуки, как и нетворческий труд, хоть это и не всегда осознается.

22. И, наконец, рассмотрим пример симбиоза *нарциссической личности с чертами «социального аутиста»* и *аутиста клинического*; оба составляют двухполюсную ячейку, где каждый выполняет свои задачи с помощью другого, а все вместе удовлетворяют запросы общества в рамках искусственного «реализма».

Учитель, успешно работавший в педагогическом коллективе с так называемыми «особыми детьми», обладая очевидными нарциссическими чертами, страстно желал получить репутацию уникального педагога, успешно решающего проблемы детей, страдающих синдромом аутизма. Для этого он повсеместно демонстрировал видеозапись 25-минутного музыкального урока с ребенком-«аутистом», где он легко общается с учеником и, сидя за фортепиано, поет с ним детские песенки, постоянно меняя темп. «Вживую» он уроки с этим ребенком не показывал, так как отказался с ним работать под первым же удобным предложением вскоре после сделанной съемки. Каждый раз перед публичной демонстрацией записи он напоминал аудитории (как правило, состоявшей из педагогов, в большинстве своем не рабо-

тавших с аутистами, и приглашенных журналистов, наслышанных о важности и сложности проблемы) о том, что главная проблема аутистов это проблема общения. Кроме того, разъяснялось, что если ребенка-аутиста удастся научить петь, то менять темп раз заученной песни он не может, как не может аутист, раз пройдя куда-то по одной из нескольких параллельных дорожек, пройти туда же по другой. На видеозаписи видно, что ученик с большой охотой работает с учителем, исполняя множество песен, и каждую – в различных темпах. У публики, видевшей в первый (и в последний) раз предварительную яркими устными комментариями запись, успех выступления был несомненен. Это подстегивало энтузиазм журналистов, их публикации возбуждали общество, и каждое последующее представление записи принималось еще горячее, шло «на ура».

Поставленная цель – успех у публики – была достигнута: пришла слава, общественное признание. И хотя поставленная способным – подчеркиваю! – педагогом цель в силу его нарциссичности была далека от педагогики, может быть, в данном конкретном случае его успех был заслуженным? Рассмотрим ситуацию внимательнее.

При повторном просмотре записи урока (см. Приложение), когда эмоциональный зрительский подход раскаленного восторгами зала уступает подходу аналитическому, бросается в глаза, что за все 25 минут урока ребенок *НИ РАЗУ* не выполняет указаний преподавателя. От начала урока (учитель начинает с вопроса: Что ты предлагаешь? – но *не предлагает сам!* – ученик отвечает: Петь!) до его конца (тут мальчик командует: – Урок закончился!) все занятие идет под руководством отнюдь не педагога. *Манипулятивная* сущность поведения и речи аутиста здесь так очевидны, что становится очевидной и предварительная запрограммированность аудитории, настроенной видеть то, что она хочет и ожидает, в силу искусственно созданных «идеологических» условий. Налицо деятельное *репродуктивное* восприятие при отсутствии творческого *генеративного* анализа.

Здесь уже говорилось, что аутист не способен любить. Отсутствие любви к себе и другим компенсируется желанием покорять, манипулировать. И он устремляется к созданию искусственного, покорного ему мира и погружается в него, сам со своим сознанием

становясь его составляющей частью, вместе с компьютером, например, электронными игрушками или другими предметами, воссоздающими виртуальную реальность. Если же при этом на его счастье находится и манипулируемый человек, то аутист готов включить его в сферу своей деятельности, легко принимаемой извне за «общение».

Что до изменения темпа исполнения одной и той же песни, то это требует некоторого объяснения. Известно, что аутист способен запоминать и выполнять довольно сложные манипуляции, о чем говорит хотя бы его зачастую свободное обращение с компьютером. Известно также, что в сходных ситуациях он повторяет одни и те же действия: уже упоминалось, что, пройдя раз в одну калитку или по одной тропинке, он всегда будет в этом месте повторять именно этот путь и избегать другого, если ему предоставят на выбор разные пути. Но если ребенка-аутиста провести за руку, не фиксируя цели прогулки, по трем тропинкам, сначала, например, по первой, потом по третьей, а затем по второй, он в дальнейшем будет проходить по этим тропинкам в той же последовательности. Неосведомленный наблюдатель, увидев, что ребенок охотно проходит то по первой, то по третьей, то по второй, а потом снова по первой тропе, никак не усмотрит в нем черт аутизма после не слишком долгого наблюдения. Абсолютно то же самое наблюдается и при просмотре записи урока. *Кажется*, что мальчик выучил песню, а затем исполнил ее в трех различных темпах. В действительности он выучил в определенном порядке *три отдельных куплета* в трех различных темпах, *как три различных песни* (не важно, с одними и теми же словами или нет), и по ходу урока каждый раз *сам указывает педагогу*, в каком именно темпе следует петь дальше. В ходе возбужденного урока преподаватель кое-где допускает ошибки, «проколы». В начале 6-й минуты урока (см. Приложение) преподаватель увлекся и, опередив ученика, **сам** предложил ожидаемый очередной темп:

– А теперь давай быстро!..

Но – вот он, аутизм, не терпящий вмешательства, указаний! – ребенок тут же «ставит стенку»:

– Нельзя... Не могу.

И лишь после паузы, снявшей напряжение, именно *мальчик сам* приказывает:

– Давай быстро!

На 11-й минуте урока ребенок рукой «убирает от себя» лицо учителя, взглянувшего на него «несвоевременно».

В конце занятия преподаватель «отхлопывает» в ладоши «произвольное» ритмическое упражнение, которое ученик должен повторить. Секрет Полишинеля – «липовая» произвольность – мгновенно раскрывается, ибо мальчик решительно заявляет:

– Это неправильно!

– Как?.. – недоумевает преподаватель...

И ученик «отхлопывает» отрепетированное заранее.

... Вот эта видеозапись, где преподаватель за 25 минут около 40 раз послушно выполняет указания ученика, и вызывала восхищение у не очень осведомленной публики и у не слишком, видимо, внимательных специалистов. «Реакция общественности» была запрограммирована самой общественностью. Затем созданную «кибернетическую программу» запустили – и она выдала своим создателям желаемое. Таким образом, задача получения положительной реакции на заранее заявленный положительный результат была решена вполне успешно.

Ранее уже упоминалось, что нарциссическая личность и аутист – родственники по своим душевным (аутичным) качествам и способны входить в симбиотические союзы. Аутичные личности, находя друг друга, создают в своем сотрудничестве разрушительные по результатам совместной деятельности квазисимметричные союзы. Так аутичный мир вторгается в мир реальный. В приведенном примере (видеозапись урока) такой тандем (нарциссическая личность с неизбежными для него чертами аутизма и аутист клинический, которые создают внутри и вокруг себя мир искусственный) воздействует на аудиторию, погруженную в состояние неопределенности. При этом заранее создана «программа», благодаря которой люди предполагают, что после просмотра записи у них сложится собственное мнение, и они вынесут свой вердикт по поводу увиденного. Но «увидеть» (подход *репродуктивный*) – не значит «понять» (подход *генеративный*). А не позволила понять суть увиденного *театрализация реальной жизни, превратившая ее в «кибернетическую»*. Все роли были расписаны, и никто не мог, да и не хотел, портить спектакль с такой удач-

ной PR («пиар»)-режиссурой. При этом изначально предварительная «идеологическая обработка» базировалась вовсе не обязательно на успехах данной личности с данным учеником на данном уроке. Успеху же осуществленного театрализованного предприятия способствовало состояние неопределенности, имеющее два банальных истока: некомпетентность публики и ограниченность, замкнутость поля деятельности описанной общественной системы. Эта ситуация напоминает творческий метод создания псевдоисторических трудов академика Фоменко или такое положение в современной мегамашине, когда результаты психологического тестирования, передаваемые руководству фирм, компаний, корпораций, основаны на весьма ограниченных представлениях о человеке, которые содержатся в требованиях руководства, переданных психологам. А те в форме заполненных тестовых бланков возвращают их обратно руководству – и это якобы результаты независимого исследования человека.

Творческое, продуктивное исследование неопределенности может дать конструктивный результат. Невольное или намеренное сохранение неопределенности в обществе дает результат деструктивный. В нашем примере «кибернетические» ученик, учитель и общество – все решают свои задачи, деструктивные по сути и характерные для современного общества:

– *ученик*, не позволяя собой управлять, сохраняя и углубляя свой статус страдающего синдромом аутизма человека, расширяет свой нездоровый внутренний мир до внешнего, включив в него учителя, которым он манипулирует;

– *преподаватель* достигает успеха, славы, выгод, умением не «быть», а «казаться», эксплуатацией патологии ученика под видом его якобы излечения, манипулирует мнением общества и тем его себе подчиняет (использует для собственной корысти всевозможные обстоятельства внешнего мира);

– *общество*, что весьма типично для общества потребления, довольно тем, что кем-то решена насущная для его мира задача, за которую оно не ведало, как взяться. Но в действительности задача «якобы» решена, а мир, где это сделано – «якобы» реален.

Итак, болезнь ребенка, если не углубляется, то закрепляется, благодаря преподава-

телю, который, отказавшись реализовывать свой творческий потенциал, пойдя по легкому пути лукавства, деградирует творчески. А это в дальнейшем приводит к опасной для всех, кто им не «восхищается», нарциссической *агрессивности*, описанной Э. Фроммом. Введенное же в заблуждение общество теряет направление конструктивного пути решения стоящей перед ним задачи, а стало быть, неизбежно приобретает качества объективно деструктивные, ибо третьего не дано. Человек и общество живут в таких обстоятельствах «ложной» жизнью, затраченное время уходит, не оставляя возможностей прожить *в полной мере* свою *настоящую*, предоставленную Богом и Природой жизнь. Энергия «непрожитой» жизни, трансформируемая в энергию разрушения, – в этом суть деструктивности. И, заканчивая обсуждение примера «ученик – учитель – общество», следует напомнить, что здесь зримо проявляется один из главных пороков современного общества – подчинение системе, в которой при возникновении ситуации неопределенности «человек предпочитает принять *неправильное* решение, полагая его *правильным*, чем искать *правильное*, мучаясь неуверенностью в его обоснованности» [2].

23. Содержание последней фразы подталкивает к тому, чтобы, по возможности, сжато повторив суть всего сказанного, сформулировать какие-то выводы. Исторический взгляд на проблему заставляет предположить, что проблемы современного общества начались с отказа от трансцендентных целей своего существования в пользу преследования целей собственно человеческих, а проще говоря, с «потери Бога». В новом кибернетическом обществе руководство управляет с помощью компьютерного планирования. Оно имеет богоподобный вид из-за якобы неучастия в принятии решений человеческих чувств и суждений. В борьбе с неопределенностью полностью удовлетворяется потребность в уверенности из-за слепой веры в эффективность компьютерного метода планирования и решения насущных задач. Все сомнения исключаются, хотя нет никаких гарантий, что удастся избежать катастрофы, хоть политической, хоть экономической, хоть военной. Такие руководители ведут согласное с ними кибернетическое человечество к всеобщей гибели, к самоуничтожению. Это и зловещие, и трагические гроссмейсте-

ры «великой шахматной доски» вроде Бжезинского, персонажи мирового театра, подобные Великому Инквизитору Достоевского, они не способны действовать по-иному, ибо не видят другого пути, кроме уверенности в том, что находят выход из неопределенности наилучшим способом из всех возможных. Якобы рациональный характер решений нынешних мировых планирующих структур не отличается от решений, принятых на основании предсказаний пифий и оракулов. Лидеры действуют, как фанатики, ведя мир и самих себя к самоистреблению, хотя в психологическом плане они отнюдь не фанатичны: ведь их действия опираются на эмоционально-свободную веру в рациональность компьютерных методов. (Более фанатичными, к сожалению, выглядят пока их противники, выступающие не слишком организованно против глобалистской мегамашины, опираясь лишь на свою веру в необходимость спасения, подобно тому, как выступали первые христиане против языческой мегамашины Рима).

24. Нужно искать выход. Но как? И каков он? Два эпизода из новейшей истории (XX века), казалось бы, намекают на простой до примитивности, даже архаичный, способ выхода из тупика, куда неизбежно заводят высокотехнологичные методы. Карибский кризис (Куба, 1962), когда в обмен на изъятие советских ракет с Острова свободы (о чем до сих пор то тут, то там вспоминают по всему миру) американцы демонтировали свои ракетные базы у наших границ в Турции (об этом стараются не заикаться ни тогда, ни теперь) и израильское нападение на американский военный корабль «Либерти» (успешное торпедирование) – эти эпизоды могли превратиться в глобальное военное столкновение. Компьютеры Пентагона продиктовали в обоих случаях жуткие шаги. Старомодный способ личного общения между главами государств в Москве и Вашингтоне помогли избежать катастрофы.

Однако мировые тенденции в целом не позволяют надеяться на выживание человечества благодаря прямой телефонной связи. В нужный момент ответственные лица могут просто не успеть понять друг друга. Пока выход не определен. Но самое неприятное, что его мало кто ищет. Человечество в значительной его части уже преобразовано, и существует в «наборе» новых условий, оно

поглощено кибернетической мегамашинной общества потребления, о чем неоднократно писал Э. Фромм.

Набор набором, но существуют два главных условия существования человека как такового:

– уменьшение зависимости от инстинктов по мере хода эволюции животных, достигающей минимума в человеке,

– колоссальное усложнение и увеличение веса мозга по сравнению с весом тела со второй половины плейстоцена.

Нет инстинктов – нет и безошибочного знания, которым обладает лосось, идущий на нерест, преодолевая пороги и водопады, идя вверх по реке, или птица, преодолевающая межконтинентальные расстояния, находящая свое крошечное гнездо, с точностью, превышающей возможности любой современной лоции. Нет у человека знаний, навязанных инстинктом. Человек должен принимать решения сам. И в каждом решении, принятом с помощью разума, есть риск провала. Ненадежность, неопределенность – цена, которую приходится платить за обладание сознанием, разумом. Единственное надежное предсказание, на которое он способен, весьма банально: «Я умру». Но именно на нем он предпочитает не концентрировать свое внимание.

25. Человек – дитя Природы, ее «причина», он внутри и одновременно вне ее, в ряде случаев над ней возвышаясь. А это усложняет задачи, поставленные собственным существованием. Возникает соблазн подчинения мегамашине, решающей за него жизненные задачи, хотя бы они были поставлены не Природой, а искусственными условиями бытия. Нетрудно догадаться, что в этих условиях и сам человек, став манипулируемой единицей, стремится собственную деятельность заключить в рамки такой системы, где он сам имел бы полную свободу манипулирования. А это не имеет ничего общего с условиями природного существования, бытия в условиях неопределенности. Развитие современного общества идет в направлении, все дальше уводящем от пути, где человек как человек обязан удовлетворять внутренне присущую ему склонность расширять знание о действительности, приближаться к истине с помощью собственной работы разума и рук своих. И этот процесс все-таки продолжается. Вопрос в том, что произойдет раньше:

расширит ли он свои знания до таких пределов, что осознает гибельность нынешнего пути, или все закончится самоуничтожением. Здоровое общество уже теперь могло бы верно оценить ситуацию, но накопленная в обществе потребления иррациональность, пока еще непреодолимая, ведет к неизбежной путанице в умах. Стало быть, общество нездорово, и следует определить, на что похожа болезнь.

26. Все сущее в природе занимает свою «ячейку», выполняет свои задачи, выстраивает некие «симметричные» связи с «соседями», стремясь к развитию и сохранению «равновесия». Увеличение популяции грызунов дает толчок к размножению лис, которые своими аппетитами приводят все к оптимальному состоянию, высота уровня озера ограничивается величиной зеркала испарения, не давая ему при нормальных условиях слишком понижаться или грозить затоплением прибрежных угодий. А закон сохранения материи, когда «если в каком месте убудет, то в ином столь же присовокупится» – это ли не блистательный пример природной симметрии? Или симметричные потоки материи в Универсуме: если материя повсюду устремляется к центрам тяготения, и потому плотность вещества в любом ограниченном объеме растет со временем, то в безграничном пространстве центры масс галактик наоборот – «разбегаются», что напрочь исключает гипотетическую «тепловую смерть» Вселенной. Таким образом, положение во Вселенной и в будущем не должно внушать опасений, а вот на Земле для человека ближайшие перспективы далеко не радужные. В частности, создались условия, когда перенаселенность городов чревата снижением рождаемости, ростом количества болезней, преступностью. Такая «симметрия» должна ужасать. С другой стороны, одиночество, падение нравственности, солдатчина толкают к стремительному заключению браков и мимолетным связям, т. е. – к деторождению, а значит, снова к усугублению проблемы городов...

27. Отдельные люди выстраивают собственные вполне симметричные брачные, дружеские, корпоративные отношения и связи. Что же аутист, о котором столько говорилось выше? Аутизм – явление нездоровое, и аутист здоровых симметричных связей создать не может в силу отсутствия необходи-

мых для этого чувств, эмоций. Манипулируя подчиненными ему предметами, виртуальным компьютерным миром, он лишь создает продолжение самого себя, своего внутреннего мира, встраивая туда и согласившегося подчиняться ему человека, который тоже становится его продолжением, квазисимметричной манипулируемой системой.

Способность чувствовать по отношению к другому у аутиста и у кибернетического человека в обществе потребления заменяется возможностью подчинить, обладанием. Даже в современных языках многих стран произошли красноречивые метаморфозы: «У меня плохое здоровье» вместо «Я болею», «У меня счастливый брак» вместо «Мы с женой любим друг друга», «У меня много работы» вместо «Я очень занят», «У меня бессонница» вместо «Я плохо сплю» и т. д.

Итак, мы, как было показано здесь и выше, пришли к тому, что в нашей «истории болезни общества» речь идет об аутизме, *аутисты – это «люди будущего» в современном обществе, идущем по пути аутизма.*

28. При всей неопределенности способов исхода с этого гибельного пути нужно исходить из условий, необходимых элементов, сложившихся к середине XX века, которые защищают от распада, гибели общества. Вот эти названные Э. Фроммом элементы: во-первых, крупномасштабная централизация, которая сформировалась в правительствах, деловом мире, медицине, системе образования и прочих системах. Процесс централизации продолжается, и вскоре почти все виды целесообразной деятельности будут осуществляться крупными системами. Во-вторых, проистекающее из централизации широко разветвленное планирование внутри каждой системы. (Стоит заметить, что эти два элемента всегда присутствовали в СССР, но постсоветская Россия их сохранение, мягко говоря, не поддержала и результаты сказались быстрее, чем можно было ожидать). Далее, кибернетизация, т. е. кибернетика и автоматика в роли главного принципа *контроля* с компьютером в качестве важнейшего элемента автоматике. И, наконец, еще один элемент, проявляющийся во всех системах – система *Человек*. Эта система допускает лишь ограниченное количество потенциальных структур и ставит нас перед некоторыми установленными альтернативами, которые определяются кардинальным фактом:

«...далеко вошедшая вовлеченность в кибернетический мир нарушает душевное здоровье» [1]. Если человек пассивен, а мозг его развивается односторонне, он проявляет патологические симптомы. Большинство же планирующих организаций обращаются с человеческим фактором, как с чем-то таким, что могло бы приспособиться к любым условиям без вреда для себя. Это относится и к политике работодателей современной «бесплановой» России, а что до компьютеризации, то в ней намечается, по ряду признаков, «перестройка» (вспомните, хотя бы, суд над школьным учителем за то, что происходит во всем компьютерном мире «постсоветского пространства»), а это может привести к долговременной лихорадке и в компьютеризации России, что и обеспечит ей (в сочетании с положением относительно остальных трех элементов с учетом фактора *Человек*) безальтернативную будущность.

29. Неопределенность путей выхода из тупика, в который зашло человечество, очевидна. Но очевидны, по мнению Э. Фромма, и шаги, необходимые для спасения: 1) планирование, включающее в себя систему *Человек*, основанное на нормах, вытекающих из исследования оптимального функционирования человеческого существа; 2) активизация индивида путем вовлечения простых людей в сферу *деятельности и ответственности* через замену нынешних методов отчужденной бюрократии методами гуманистического управления; 3) замена модели потребления на такую, при которой потребление содействует (*всеобщей*. – В. Л.) активизации и отбивает охоту к «пассивизации» (термин Э. Фромма); 4) появление новых форм психической и духовной ориентации и преданности, равнозначных религиозным системам прошлого.

Последний пункт далеко не очевиден, он лишь подчеркивает взгляды Фромма, заставляющие вспомнить религиозную нетерпимость деятелей эпохи Просвещения, однако же «благородно» рассуждавших о «свободе совести». Фромму близки идеи энциклопедистов. Симпатии ученого духу эпохи Просвещения не только отвечают его неприятию религии, но невольно сужают и его исторический кругозор. Спинозу, обратившего свое внимание на *человека*, Фромм причисляет к «прогрессивным», а Кальвин и Лютер, по его понятиям, *человека* принизившие, им, «про-

грессивным», противопоставлены. Но ведь Лютер в борьбе с «папизмом» был куда как «прогрессивен»! И как можно не брать в расчет, что существование любой нации всегда скреплялось ее религией? И во все времена это сохранялось, даже в годы богоборческие. Вот строки из письма с фронта домой (1943 г.) поэта Всеволода Рождественского, вполне советского человека, ушедшего, не дожидаясь призыва, пешком на фронт на второй день войны: «...Вчера взяли штурмом древний Новгород. Сколько смерти, сколько разрушений... Слава Богу – Св. София жива!» Это о чуде сохранившемся храме. Здесь в адском котле войны перед лицом смерти нет места для излиятий на эстетические, архитектурные темы. Здесь в двух строках Человек во всей своей полноте: *воин – гражданин – русский*. Потеря духовных скреп сопровождалась во все времена распадом и исчезновением нации, в лучшем случае – поглощением ее «соседями». Кто может отрицать эту истину, вне зависимости от того, во что он верит – ибо неверующих не существует – в Бога или в Его отсутствие?.. Отрицают это лишь люди, мягко говоря, наивные либо недруги нации. Умные враги прекрасно понимают важность вопроса и знают, какую роль играют духовные святыни – и свои, и противника. Всего три примера: гитлеровцы, войдя в Киев и вовсе не собираясь его покидать, а стало быть, что-то разрушать, тем не менее в первый же день взорвали самый древний в этом городе православный храм. Казалось бы, чем он им мешал?.. В Москве по приказу Троцкого был уничтожен Чудов монастырь в Кремле. В остальном там все оставалось в неприкосновенности... Сегодня «западный альянс» требует независимости для Косово в Сербии. С чего бы они так ратовали тут за мусульман, когда по всему миру клянут их как первых «врагов демократии»? Дело в том, что Косово Поле – это сердце Православия в Европе. Там самая высокая концентрация православных храмов и монастырей в мире. Сначала Запад поспособствовал въезду и расселению там мусульман-албанцев, а теперь, когда их в Косово большинство, для решения «православного вопроса» нужно дать власть тем, кто уже начал варварское истребление православных святынь. О «любви» Запада к православию мы уже говорили. Последующая судьба мусульман в Косово тоже легко просматривает-

Рис. 1.

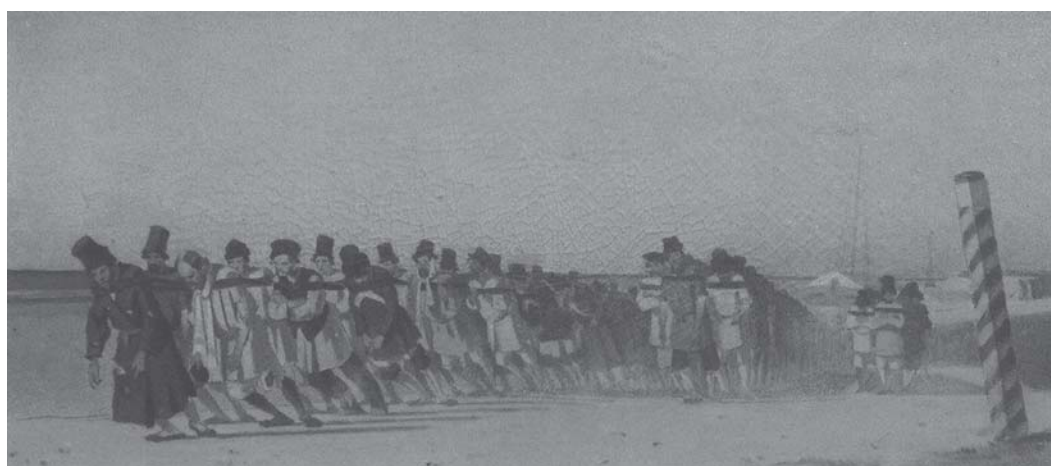

Рис. 2

Рис. 3.

ся: из Германии скоро нужно будет убирать американские военные базы и выводить войска, а куда? Уходить из Европы они не собираются. Удобнее, чем Косово, только Мальта, но она занята... Самоубийство кибернетического мира продолжается.

30. Лютер и Кальвин учили, что человек должен подавлять личный интерес и быть инструментом божественных целей. «Прогрессивная» эпоха Просвещения учила, что человек должен быть целью, *а не* средством для осуществления трансцендентных идей. Фромм присоединяется к «прогрессивным». Однако, почему «*а не*», но не «*и*»? В постановке задач для человечества правы и те, и другие (вместе с Фроммом), но они же (с ним же) и не правы. В плане сформулированных целей правы все, в отношении же отрицания друг друга – никто, тут ошибаются обе стороны.

В единстве целей истина. Человек создан Богом и есть Его подобие. Человек рожден Природой и он – ее часть. Потому он должен познавать Природу и, стало быть, себя тоже, как ее часть, и быть орудием, таким образом, осуществления «трансцендентных идей»: органом познания Природой самой себя (в натурфилософии), быть инструментом божественных целей (в Боге).

До нынешнего дня *идея единства целей* общественного признания не завоевала. Два мировоззрения двух эпох издавна находятся в полном единении в оценке возможностей человека, но противоположны в понимании его положения и задач. «Что за мастерское создание человек! Как благороден разумом! Как бесконечен способностью! В обличии и в движении – как выразителен и чудесен! В действии – как сходен с ангелом! Краса вселенной! Венец всего живущего!» – не правда ли, эти слова Гамлета почти те же, что произносит Сатин в пьесе «На дне» Максима Горького, писателя, воспевавшего мир «новых хозяев» почти во всех своих произведениях (до революции, конечно)... Но люмпен и маргинал рубежа 19-20 веков заканчивает свой монолог подобно гимну: «Человек – это звучит гордо!», а мудрец и наследник трона в трагедии конца 16 века грустно вопрошает: «А что для меня эта квинтэссенция праха?»... Налицо полная противоположность двух идеологий. О чем им говорить друг с другом? До единства ли целей тут? Каких страданий стоили человечеству попытки

людей двух миров понять – хоть самую малость! – даже самих себя...

31. Будучи не просто атеистом, а противником религии, и, значит, человеком, не сумевшем достаточно глубоко понять ее роль в обществе, Фромм не мог натолкнуться на идею самопознания Природы с помощью созданного ею человечества. Натолкнуться на нее мог кто угодно, кроме «противника религии», и идея эта взглядам атеиста нисколько не противоречит, хотя и вполне могла родиться из формулы «человек есть образ и подобие Творца». Но в своем мировоззрении нынешний человек не стал сохранять себя в таком качестве, он *сделал себя средством* не воли Бога, а экономической машины, стал инструментом промышленного прогресса. Современный человек работает не для себя, Человека, а для денег. Потеряв опору в собственной душе, в понимании высшей цели и собственного предназначения, становясь кибернетическим, современный человек пребывает в состоянии растерянности. Растерянность современного человека, состояние неопределенности, – это непонимание того, что ему *дан выбор*. Он не понимает, что именно **ему** надо принимать решение. И Бог, и Природа дают человеку *свободу выбора*, но одновременно и забыв Бога в душе, и потеряв свою связь с Природой, человек забыл, потерял понимание того, что для приведения в порядок и души, и своей жизни, он должен *выбирать*. На правильный выбор человеку должна указать *совесть*. А это понятие религиозное. Еще римские стоики предполагали, что знание человеком отличия *хорошего* от *плохого* – это дар божественный. Но слова *совесть* еще не существовало, скорее это было *сознание*. Понимание разницы смысла этих слов идет от «Посланий» апостола Петра. На Западе в различных языках это понятие так и определяется словом *со-знание* (то, что знают и с чем со-гласны все), но в русском языке есть четкая разница между этими понятиями: слово «совесть» (*со-весть*) означает *весть для всех*, знание не от мира сего, Благая весть. И в русской литературе, и в фольклоре древнее *ведать* и более позднее – *знать* приобрело различную окраску, когда в языке закрепились оба слова. Сравните хотя бы слова: «знаток», «знахарь» – тут что-то от опыта, а «ведун» – это уже нечто потустороннее...

И чтобы перейти к заключительным строкам, задам последний вопрос: можно ли считать какой-либо институт, систему, обычай, в конце концов, – отжившими, если не создано что-либо их заменяющее и решающее те же задачи? Предвижу очевидный ответ. Тогда какое имеет право кто-то быть противником религии, если этот «кто-то» не может предложить вместо нее ничего сколько-нибудь приемлемого нового? Этот вопрос, конечно же, относится не только к Э. Фромму, предложившему во имя всеобщего спасения «идти туда, не знаю куда» на поиски «того, не знаю что». Для чего, спрашивается, отказываться от многовекового духовного опыта (для России – православного), от не самого неразумного направления деятельности человека, если сам же Фромм не может не признать: «Смею утверждать, что если бы люди придерживались десяти заповедей... в качестве действенных принципов руководства в жизни, в нашей культуре в целом произошли бы кардинальные изменения» [4]. Заново тратить драгоценное время на поиски того, что уже давно найдено и лежит рядом, хотя и забыто многими, но может вполне успешно использоваться во имя спасения – разумно ли? Тем более, что людей, равных пророкам, вокруг (что признает и сам Эрих Фромм) пока не видно, когда они появятся, неизвестно. А время уходит. Ждать некогда. Как справедливо писал он же: «Мы находимся в эпицентре кризиса современного человека. У нас в запасе не так уж много времени. Если мы не начнем сейчас, может оказаться слишком поздно» [Ibid.].

Май – июнь 2007

Список литературы

1. *Davis R.* The Advance of Cybernation: 1965–1985 // *The Guaranteed Income*. N. Y., 1967.
2. *Fromm E.* Anatomie der menschlichen Destruktivitaet. Stutgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1974.
3. *Fromm E.* Escape from Freedom. N. Y.: Farrar and Rinchart, 1941.
4. *Fromm E.* The Revolution of Hope. N. Y.: Harper and Row, 1968.
5. *Mannheim K.* Ideology and Utopia. N. Y., 1936.
6. *Spinoza B.* Ethik. Leipzig: Meiner, 1922.

Материал поступил в редколлегию 05.07.2007

Приложение

Стенограмма видеозаписи урока с аутичным ребенком

18 апреля 1996 года

Ученик и преподаватель сидят у фортепиано. На пюпитре нотная тетрадь с детскими песнями.

00 мин 00 с – 00 мин 15 с

Преподаватель: Ну, что? Что ты предлагаешь?

Ученик: Петь.

Преподаватель: Петь. Чудесно! Какая песня?

Ученик: «Прошел внезапный дождь».

Преподаватель: «Прошел внезапный дождь». Как мы будем петь?

Ученик: Просто так.

Преподаватель: Просто так. Давай!

00 мин 20 с – 01 мин 04 с

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в умеренном темпе.

01 мин 04 с – 01 мин 45 с

Преподаватель: Очень хорошо. А теперь?

Ученик: Быстро.

Преподаватель: Давай быстро. Только погромче. Совсем тихий голос.

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в быстром темпе.

01 мин 43 с – 01 мин 51 с

Преподаватель: Здорово спел! А теперь?

Ученик: Медленно. Так, начинаем!

01 мин 51 с – 03 мин 35 с

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в медленном темпе.

03 мин 33 с – 04 мин 11 с

Ученик (указывает на многократно виденную и обсужденную ранее картинку в нотной тетради): Что здесь написано?

Преподаватель (имитирует недоумение): Не знаю.

Ученик: Знаешь! Что здесь написано?

Преподаватель: Не могу прочитать.

Ученик: Можешь! Это «BANK». А это «Coca-Cola».

Преподаватель (Уверенно подтверждает): «Coca-Cola». А это?

Ученик молчит.

Преподаватель: «Cinzano»!

Ученик: А тут «London» написано!

Преподаватель (подтверждает): «London»! На каком языке?

Ученик: На английском.

Преподаватель: На английском написано, да. А вот это «Хлоп-хлоп»! Как ты будешь петь?

Ученик: Просто так.

04 мин 11 с – 05 мин 03 с

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в умеренном темпе.

05 мин 03 с – 05 мин 21 с

Преподаватель (*предлагает, опережая Ученика*): А теперь быстро!

Ученик: Нельзя.

Преподаватель: Нельзя? (*Смотрит под ноги, что-то там двигает.*) Шумит очень... Не можешь?

Ученик: Не могу!

Преподаватель: Подумай.

Ученик (*молчит, потом приказывает*): Давай быстро!

Преподаватель: Давай!

05 мин 21 с – 05 мин 53 с

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в быстром темпе.

05 мин 53 с – 05 мин 56 с

Ученик: Давай споем медленно!

Преподаватель: Давай.

05 мин 56 с – 08 мин 13 с

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в медленном темпе.

08 мин 15 с – 09 мин 14 с

Ученик: А теперь споем «Смотри, какой совсем большой...»!

Преподаватель: Давай. (*Листает ноты*).

Ученик (*указывает нужную страницу, потом поет – текст об именинном торте*): Давай посчитаем, сколько свечек. (*Ведет пальцем по рисунку*). Одна, две, три, четыре, пять, шесть...

Преподаватель (*быстро вставляет*): Значит, ей шесть лет...

Ученик: Значит, ей шесть лет, раз здесь шесть свечек.

Преподаватель: И она должна задуть их сразу, да?..

Ученик: Да. Надо задуть.

Преподаватель: Задуть. (*Наперебой дуют*).

Ученик: А это собачка.

Преподаватель: ...а кукла, посмотри, какая маленькая. Она у куклы спрашивает...

Ученик (*не слушая*): А это собачка!

Преподаватель: Собачка, конечно.

Ученик: А это английские буквы.

Преподаватель: Английские. Ты их знаешь?

Ученик: Да.

Преподаватель листает нотную тетрадь.

Ученик: Давай споем это. Так! Начинаем!
09 мин 14 с – 10 мин 25 с

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет.

10 мин 25 с – 10 мин 34 с

Преподаватель: Очень хорошо! Листает ноты.

Ученик (*наклоняется к тетради, внимательно смотрит*): Давай споем...

Преподаватель (*как бы размышляя*): Знаешь, что... (*и что-то увидев в нотах*) Ааааа!..

Ученик (*указательный палец Ученика уже меж страниц, и он предлагает*): «Раз, два, три, четыре, пять»!

Преподаватель: Ну, да... Как споем?

Ученик: Просто так!

10 мин 34 с – 11 мин 05 с

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в умеренном темпе.

10 мин 50 с

Ученик рукой поворачивает лицо Преподавателя к клавиатуре, когда тот, по его мнению, не вовремя взглянул на Ученика.

11 мин 02 с

Ученик: Теперь медленно!

Поют.

12 мин 17 с

Ученик: Теперь быстро!

Поют.

12 мин 38 с

Ученик: Споем «Маленькая...». Давай!

Преподаватель: Она испугалась паука?

Ученик: Да. Просто так давай!

12 мин 45 с – 13 мин 11 с

Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в умеренном темпе.

13 мин 12 с – 13 мин 25 с

Преподаватель: Очень хорошо спел, молодец. (*Листает ноты*). А следующую давай не будем.

Ученик: Не будем. Давай «Десять...».

Преподаватель: Споем «Десять...».

Ученик: Ну, давай «Десять...».

13 мин 25 с – 14 мин 01 с

Поют, но песня не та. Прерываются. Невнятная беседа, где Ученик неоднократно твердит «Десять!».

Ученик: «Десять» споем!

Преподаватель: А-а, вот... Как споем?

Ученик: Просто так. Давай «Десять».

Преподаватель: Ты медленно...

Ученик: Просто так. Давай просто так.
 14 мин 01 с – 14 мин 30 с
Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в умеренном темпе.
Преподаватель: А теперь?
Ученик: Медленно!
 14 мин 31 с – 15 мин 50 с
Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в медленном темпе.
Преподаватель: А теперь?
Ученик: Быстро!
Преподаватель: Очень быстро!
 15 мин 51 с – 16 мин 06 с
Ученик под аккомпанемент Преподавателя поет в быстром темпе.
 16 мин 06 с – 16 мин 44 с
Преподаватель: Молодец! Умница...
 «Когда весна явилась»?
Ученик: Давай петь. (Поет).
 16 мин 44 с – 17 мин 19 с
Преподаватель: Очень хорошо, молодец. (Листает.) «У дедушки»...
Ученик: Давай вот так, тихо.
Преподаватель: Почему?
Ученик: Так!
Преподаватель: «У дедушки» надо кричать громко.
Ученик: Не громко.
Преподаватель: Это взрослые дети задают вопрос маленьким детям.
Ученик: Большие не поют громко. Большие поют тихо. (Считает себя маленьким рядом с Преподавателем и хочет петь громко.)
Преподаватель: Большие поют громко.
Ученик: Нет. Маленькие поют громко.
Преподаватель: Ты же большой? Большой. А там маленькие совсем дети. Ты большой, ты поешь громко. А там маленькие дети, они отвечают... (спор как будто повисает в воздухе, но заканчивается «победой» Ученика – раз он мал по сравнению с Преподавателем, то и поет громко, что бы там ни говорил Преподаватель.)
Ученик: Давай.
 17 мин 19 с – 18 мин 44 с
Поют отрешенное «громко-тихо»
 18 мин 44 с – 19 мин 24 с
 Пауза
Преподаватель: Маленькие собачки, что делают, как говорят?
Ученик: Ав!
Преподаватель: Ну! Пой!
Ученик: Давай сам.
Преподаватель: Ну, я спел. Теперь ты.

Ученик: Нет. Ты сам. (Кладет руки Преподавателя на клавиатуру.)
 Преподаватель играет и поет.
 Ученик молчит.
Преподаватель: А ты отвечаешь...
Ученик: Нет.
 Преподаватель уговаривает.
 Ученик молчит.
 19 мин 24 с – 19 мин 35 с
 Преподаватель играет и поет.
 Ученик молчит.
 19 мин 35 с – 19 мин 47 с
 Ученик последние 10 с подпевает.
 19 мин 47 с – 21 мин 20 с
Преподаватель (листает тетрадь далее): О, «В ряд»!
Ученик: Давай!
 Поют.
 Преподаватель играет другую песню,
 Ученик поет.
Ученик (предлагает): «Будем вместе плясать»!
 Преподаватель играет, Ученик поет (об огороде эта песня)
 21 мин 22 с – 22 мин 45 с
Преподаватель: У вас тляка-то есть?
Ученик: Есть. В Кольвани.
Преподаватель: А лейка там есть?
Ученик: Есть.
Преподаватель: А лопата?
Ученик: Есть.
Преподаватель: О, все есть! Тебе хорошо... Вот я тебе предлагаю спеть... У нас тут оказалась песня... (достаёт из одной нотной тетради другую)
Ученик (ничуть не удивлен): Давай!
 Поет в хорошем темпе наизусть несколько куплетов с припевами, поглядывая иногда в текст.
 22 мин 44 с – 23 мин 00 с
Преподаватель: Ты что, это прочитал сразу?
Ученик (мгновенная недоуменная пауза): Да.
Преподаватель: Ой, молодец! А теперь мы с тобой последнюю...
Ученик (подтверждает): Последнюю!
Преподаватель: Вот она.
Ученик: Хочу Lego собирать!
Преподаватель: Хорошо, хорошо, только...
Ученик: Последнюю давай!
Преподаватель: Последнюю, а потом пойдем.

Ученик: Давай!

Преподаватель: Это громкая песенка.

23 мин 00 с – 23 мин 36 с

Ученик поет.

Преподаватель: Молодец!

Ученик бросается к игре Lego, которая всегда следует за последней песней.

(Игра с Lego не записывалась).

23 мин 36 с – 24 мин 16 с

Ученик и Преподаватель сидят лицом к лицу. Ученик жестом предлагает хлопнуть в ладоши.

Преподаватель: Сначала я.

Ученик: Потом я.

Преподаватель «отхлопывает» ритмический узор.

Ученик: Это неправильно!

Преподаватель: Как?!

Ученик «отхлопывает» отрепетированное на предыдущих уроках.

Преподаватель «отхлопывает» другое упражнение.

Ученик повторяет.

Преподаватель «отхлопывает» следующее ритмическое упражнение.

Ученик *(повторяет, но не до конца, и Преподаватель доканчивает хлопки за Ученика, а Ученик встает и, направляясь к выходу, приказным тоном констатирует, зная, что должно последовать):* Урок закончился!

Преподаватель: Закончился. Спасибо.